

А. Г. НАЗАРОВ

«КАК ДАЛЕКО ДО ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ...»

(из воспоминаний о Н. Н. Моисееве)

Посвящается светлой памяти выдающегося русского ученого, мыслителя-космиста, академика Никиты Николаевича Моисеева, дружеское расположение и общение с которым в течение полутора десятилетий остается бесценным подарком Судьбы на жизненном пути автора

Общаясь с Никитой Николаевичем Моисеевым 15 последних лет его жизни – во время мимолетных ли встреч или обстоятельных бесед – мне хотелось понять или подметить главную черту его незаурядной личности; если не одну, то, может быть, несколько существенных черт, определяющих стержень его личностных устремлений, его духовную организацию. Но как?

Миры сложной, духовно богатой личности академика Моисеева еще не раскрыты. Каждый видит только частицы Истины. Вам кажется, что вы проникаете в духовные глубины, но вы не знаете, правы вы или нет в своем восприятии личности, ныне принадлежащей Вечности.

Рецензия на книгу и личное знакомство

Мое личное знакомство с Никитой Николаевичем Моисеевым состоялось в начале 1985 г. в Московском доме ученых. Личное – потому что и значительно раньше, в 1970-е гг., и в начале 1980-х гг. я встречал Моисеева на разных совещаниях, пару-тройку раз у нас в Отделе эколого-биосферных проблем, но все издали, познакомиться не довелось, да я и не пытался. После концерта в буфете мой знакомый толкнул меня под локоть:

– Что-то на тебя все время смотрит одна очень приятная особа.

Обернулся – и в самом деле, неподалеку от нашего столика у буфетной стойки (все места за столиками были заняты) стояла пара: молодая женщина и пожилой мужчина, у которого был, как мне показалось, какой-то отрешенный вид. Увидев, что я смотрю на них, женщина приветливо заулыбалась и слегка повела своего спутника в мою сторону. Он встрепенулся, отвлекшись от своих мыслей, и они рука об руку направились ко мне.

Н. Н. Моисеев (1917–2000)

– Простите, что отвлекаем вас, но вы Назаров Анатолий Георгиевич? – спросил глуховатым голосом пожилой, как мне тогда казалось, мужчина. Вблизи лицо его показалось знакомым, но сразу вспомнить не мог.

– Да, это я.

– Нам бы хотелось с вами поговорить. Вы меня не узнаете? Меня зовут Моисеев Никита Николаевич, я у вас в отделе бывал, а это моя супруга.

– Антонина Васильевна, – живо отозвалась с улыбкой «приятная молодая особа» примерно моего возраста (мне тогда уже было за сорок).

Мы отошли в коридор и сели у стены на освободившийся диванчик. Я как-то не сразу соотнес нового знакомого с тем академиком Моисеевым, что заходил несколько раз в наш Отдел эколого-биосферных проблем в Академии наук. Его возглавлял крупный естествоиспытатель, президент Всемирного союза почвоведов Виктор Абрамович Ковда¹. Я тогда был его за-

местителем, и по своей обычной занятости Ковда иногда загружал меня, как мне казалось, прямо не относящимися к нашей работе поручениями. Они-то, «ненужные поручения», и явились причиной нашего личного знакомства с Никитой Николаевичем.

– Анатолий Георгиевич, – продолжал Моисеев, – мне из издательства «Наука» пришла ваша довольно обстоятельная и очень суровая рецензия на мою книгу, хотелось бы обсудить с вами ваши замечания. Вид у него был очень усталый, но говорил он спокойно и, как мне показалось, доброжелательно.

Я сразу все вспомнил. И виденного раньше на заседаниях в президиуме Академии наук и у нас в отделе «Никиту Моисеева», как его величал Ковда, и саму рецензию. И почувствовал себя, прямо скажем, неуютно. Пожилой, по моим понятиям, человек (ему было в то время под 70, если быть точным – 68 лет), академик, неважно себя чувствовавший, как потом выяснилось, терпеливо дождался, пока мы с приятелями развлекались разговорами

¹ В десятой главе своей книги «Как далеко до завтрашнего дня...», в разделе о Н. В. Тимофееве-Ресовском Моисеев пишет: «... его выбор нашей компании был совсем не случайным, также как и выбор материала для обсуждения. И я думаю, что он добился определенного успеха – мы начали серьезно изучать работы Вернадского, *подружились с очень интересным почвоведом Виктором Абрамовичем Ковдой* и начали искать свой собственный путь в науках о природе» (выделено мной – А. Н.).

и подкреплялись бутербродами, чтобы деликатно обсудить со мной довольно неприятную для него тему нашей почти отрицательной рецензии.

А дело было так. Ковду попросили в издательстве «Наука» дать внешний отзыв на рукопись книги Моисеева «Алгоритмы эволюции» (вышла в свет под названием «Алгоритмы развития») ². Ему, как всегда, было некогда, и он перепоручил его написание мне. Я же сам был в тот момент очень занят, готовил к печати монографию по своей защищенной год назад докторской диссертации по экологии, а тут очередное «ненужное поручение». И не отказаться, силы слишком неравны! Я попросил мне помочь одного нашего сотрудника – он был раньше журналистом, хорошо и быстро писал – и мы вдвоем накатали такой разгромный отзыв «дилетантам-компьютерщикам» от биосферной науки, что сам Ковда его подписывать не стал, отправил в редакцию как есть, ничего не правя, за нашими двумя подписями, и я сразу выкинул поручение своего шефа из головы. И вот теперь, спустя месяц или полтора, оно ко мне вернулось бумерангом. Видя мое некоторое замешательство, Моисеев предложил обсудить наш опус не здесь и не сегодня, а «в удобное для вас время». Тут в беседу вступила Антонина Васильевна и предложила мне, когда смогу, зайти к ним домой, потому что Н. Н. немного нездоров. Так началось мое многолетнее, с длительными перерывами знакомство и общение с этим замечательным человеком.

Через несколько дней, созвонившись с Антониной Васильевной и узнав от нее, что «Никита Николаевич чувствует себя сносно», мы с моим соавтором рецензии отправились к Моисееву домой. Не буду много рассказывать о трудной для Никиты Николаевича и для нас первой нашей рабочей встрече (соавтор во встречах с Н. Н. больше не участвовал). Как потом мне говорил Н. Н., его поразила наша неуступчивость, к которой он не был готов и потому не смог достаточно обоснованно аргументировать свою позицию. Накал страстей в нашем почти двухчасовом бурном обсуждении, когда Моисеев вставал из-за стола, быстрыми шагами ходил по кабинету, снова садился и снова порывисто всакивал, тактично остудила бдительная Антонина Васильевна, пригласившая нас на кухню «выпить чаю» и мягко заметившая своему супругу, что ему «вредно волноваться». А виновники волнений все еще недомогавшего академика как будто были не при чем! Мы быстро распрощались и ушли, договорившись встретиться снова в ближайшее время.

Глобальные проблемы

В чем был источник наших разногласий? Здесь хотелось бы отойти на время от личных воспоминаний и попытаться осветить ряд вопросов, связанных с общим состоянием науки в области эколого-биосферных проблем, которыми начал активно заниматься академик Моисеев и руководимый им коллектив в Вычислительном центре АН СССР (ВЦ АН СССР).

С начала 1970-х гг. Никита Николаевич начал обдумывать проблемы математического моделирования глобальных процессов в биосфере и челове-

² Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. М., 1987.

ческом обществе. Интерес к этим проблемам в это время необычайно возрос. Вышла книга Джея Форрестера «Мировые динамики», переведенная на русский язык под редакцией и с большим предисловием Моисеева. Возник известный Римский клуб. Один из его первых проектов – «Пределы роста» Дениса Медоуза – произвел ошеломительное впечатление в научном и журналистском мире. Сценарии развития человечества, полученные на основе машинного моделирования природных и экономических процессов, предсказывали неутешительные перспективы для сформировавшегося общества потребления.

Моисеев внимательно следил за этими работами, встречался с Форрестером, пытался выступать с критикой методологических подходов его и Медоуза, но в общей эйфории «шоуменов от науки» голос Н. Н. не был услышан. Становилось ясным, что надо создавать собственный подход к моделированию. Моисеев знакомится с Н. В. Тимофеевым-Ресовским, В. А. Ковдой, А. Л. Яншиным, Б. С. Соколовым, М. И. Будыко и другими крупными учеными-естествоиспытателями. Благодаря «Зубру» (Ресовскому) и Ковде он осваивает основы учения о биосфере и ноосферную концепцию В. И. Вернадского, пытается освоить дарвинизм и другие биологические направления – биогеоценологию В. Н. Сукачева, комплексные методологические подходы Л. Г. Раменского, Н. В. Тимофеева-Ресовского, И. И. Шмальгаузена и др. Все это Моисееву было необходимо для выработки научной методологии математического моделирования глобальных биосферных процессов, создания моделей климата, биоты и человеческой деятельности, воздействующей на параметры биосферы.

По мере создания в Вычислительном центре отдельных блоков машинной модели биосферы в печати, особенно в «Вестнике Академии наук» и журнале «Природа», появляется целая серия, наверное, дюжина публикаций Моисеева по проблеме «человек – окружающая среда». Я хорошо помню эти годы и сдержанное отношение естественно-научного сообщества к такому напору «машинных математиков», как Н. Н. называл себя и своих коллег. У меня сохранился экземпляр его небольшой книжки «Человек, среда, общество»³, купленной из любопытства за тогдашние 85 копеек в магазине академической литературы, весь испещренный моими замечаниями, подчеркнутыми местами с «перлами», заметками на полях. Она была издана под грифом Института философии; в ней Моисеев попытался обрисовать концептуальную модель биосферы и математические модели неживой природы, живой материи, общественных процессов, теории управления, проблемы формирования человека. В эти же годы выходили монографии его сотрудников Ю. М. Свирижева, А. М. Тарко, В. Ф. Крапивина о математическом моделировании процессов в биогеоценозах и глобальных процессов биосферы на уровне биоты. Они критически воспринимались не только мной лично, но и многими биологами, географами и другими представителями естественных наук. Просматривая мои замечания на полях своей «биосферной книги», Никита Николаевич за-

³ Моисеев Н. Н. Человек, среда, общество. Проблемы формализованного описания. М., 1982.

метил, как мне показалось, с сожалением, что в то время «у него не было еще такого сурового критика, многое приходилось осваивать самим».

Сейчас я сознаю, что в своем строгом до педантичности радении «за чистоту науки» мы были несправедливы к Никите Николаевичу и его коллективу. Ему, инженеру-математику, было гораздо труднее, чем нам, постигать сложные проблемы учения о биосфере, структуре и функциях живого вещества, эволюции планетарной жизни, космической эволюции – и сейчас здесь много неясного. Возможно, поэтому он стремился находить более простые варианты, и вместо биосферы появлялся ее зыбкий суррогат, «система Гея», ныне отвергнутый наукой. Ему надо было двигаться вперед, нужен был успех, зримое доказательство работоспособности созданной в ВЦ АН СССР модели биосферы. И он пришел в 1983 г. при разработке сценария «ядерной зимы», имевшего большое международное значение в сдерживании гонки ядерных вооружений. Но и тогда он не был оценен в должной степени, лишь трагедия Чернобыля показала истинную правоту моисеевского предостережения.

Моисеев понимал, что далеко не все в его работах может быть принято «профессионалами», как он называл специалистов-естественников, всех тех, кто, по его мнению, выходит за пределы точного знания и технических наук, но имеет солидный багаж естественно-научных знаний. В разгар обсуждения наших замечаний к «Алгоритмам развития», где-то к лету или началу осени 1985 г., вышла в свет коллективная монография «Человек и биосфера»⁴. К тому времени мы уже довольно часто общались с Никитой Николаевичем, в основном у него на квартире. Как бы предупреждая возможную критику с моей стороны и на эту книгу, где была предпринята первая попытка целостного анализа упомянутой «системы Гея», а по существу – биосферы, Моисеев своим красивым летящим почерком оставил в подаренной книге памятную для меня запись:

Анатолию Георгиевичу с глубоким уважением и благодарностью
Н. Моисеев

Глубокоуважаемый Анатолий Георгиевич!

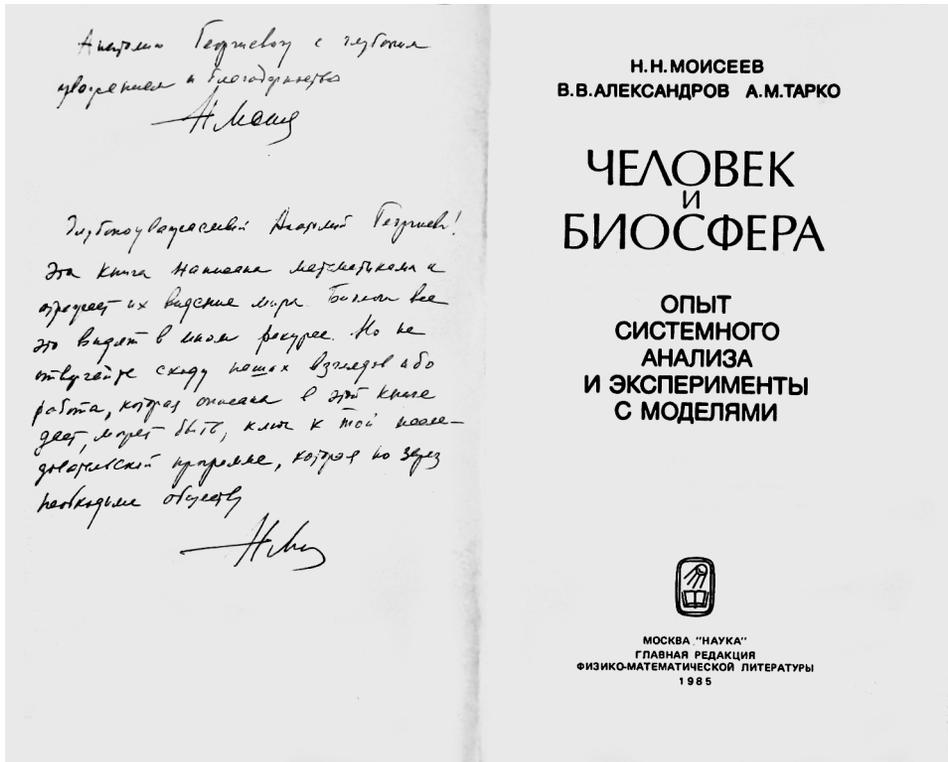
Эта книга написана математиками и отражает их видение мира. Биологи все это видят в ином ракурсе. Но не отвергайте сходу наших взглядов ибо работа, которая описана в этой книге дает, может быть, ключ к той исследовательской программе, которая по зарез необходима обществу.

Н. Моисеев

С благодарностью приняв новую книгу Никиты Николаевича, я едва удержался, чтобы не пройтись по знакам препинания (это было бы верхом бестактности!), но все-таки не смог себе отказать в том, чтобы невинно не уточнить якобы непонятные мне в надписи слова «по зарез». Н. Н. взглянул в написан-

---

⁴ Моисеев Н. Н., Александров В. В., Тарко А. М. Человек и биосфера. Опыт системного анализа и эксперименты с моделями. М., 1985.

Монография «Человек и биосфера» с дарственной надписью Н. Н. Моисеева

ный текст и сказал, что в слове «по зарез» вторая буква действительно похожа на «е», но это буква «а» и надо читать «по зарез». При этом он остро взглянул на меня, как будто ища не ясный ему подвох, но я еще раз поблагодарил его за книгу и больше в грамматические и синтаксические экскурсы не пускался: простим академикам и пропущенные знаки препинания, и раздельное «по зарез» – так, наверное, писали в начале века!

Начало общения

Несмотря на бурное «критическое начало» нашего знакомства и на 20-летнюю разницу в возрасте, мы сблизилась как-то легко и сразу, как будто давно знали друг друга. Немаловажную роль в нашем быстром сближении сыграли общие «кавказские интересы». Узнав, что я работал в высокогорьях и ледниках Центрального Кавказа, на Главном Кавказском хребте, в Терсколе и на склонах Эльбруса, и что в наших геологических экспедициях с нами работали штатные проводники-альпинисты, мастера спорта, Н. Н. оживился и стал вспоминать время, когда он сам в тех же районах работал инструктором-альпинистом, проходил сложные маршруты, познакомился там с физиком И. Е. Таммом.

Когда же я принес и показал ему изданную в 1974 г. в Академии наук свою первую монографию «Геохимия высокогорных ландшафтов», Никита Николаевич сразу же углядел в ней фотографии и мои зарисовки знакомых ему горных склонов Терскола, по которым водил группы альпинистов. Его острый глаз выхватил и последние строчки редакторского введения, в котором читателям сообщалось, что на конкурсе работ Академии наук получила золотую медаль и выставлялась в павильоне «Биология» на Выставке достижений народного хозяйства (ВДНХ). Н. Н. воскликнул: «Здорово! Молодец! Не зря *мы* работали!», и это восприятие его *личной сопричастности* к нашему общему делу освоения труднодоступных высокогорий и ледников Кавказа будто стерло между нами возрастные границы и укрепило взаимное доверие. Он много рассказывал о своих альпинистских восхождениях в местах наших работ, жалел о несостоявшемся восхождении на Дыхтау, что выше Эльбруса, с любовью вспоминал об альпинистском лагере «Алибек» и о многом другом, связанном с его профессиональным альпинистским прошлым, но что моя память, к сожалению, не сохранила.

В общении у себя дома Никита Николаевич был прост и доступен, нередко шутил, у него было хорошее чувство юмора. Как-то он и его супруга пригласили меня и мою жену Татьяну Васильевну к себе в гости. Мы сидим в его небольшом кабинете, женщины – на кухне. Мы увлеклись беседой, вдруг Н. Н. остановился и потянул носом воздух:

– Чувствуете, как пахнет? Это наши Васильевны колдуют, неужели до пирога дошли?

Распахнул дверь в коридор и грозным голосом сообщил:

– Если, Тонечка, сейчас же не угостишь нас пирогами, Назаровы к нам больше не придут!

Вот так непринужденно проходили наши встречи.

Несколько раз он говорил о том, что мне очень повезло работать вместе с Ковдой и под его научным руководством. Н. Н. его очень ценил как крупнейшего естествоиспытателя, обладавшего разносторонними знаниями в почвоведении, географии, геологии, биологии, экологии, а его высокое международное признание считал вполне закономерным (единственный из советских ученых, Ковда возглавлял в Париже департамент науки ЮНЕСКО, затем был избран президентом Всемирного союза почвоведов и президентом Международного комитета по проблемам окружающей среды (СКОПЕ)). Сейчас, говорил Моисеев, таких ученых уже нет, только академиком Яншина и Соколова можно поставить рядом.

В начале нашего общения мне показалось, что Никиту Николаевича как-то уж очень остро интересовали вопросы научного руководства и стиля работы ученого. Он спрашивал у меня о том, с кем из крупных ученых мне довелось встречаться, как работает мой руководитель, сам ли пишет свои работы или с группой соавторов, не довлеет ли над нами его научный авторитет, задавал и другие подобные вопросы. Мне трудно было понять причину такого повышенного интереса Н. Н. к стилю научного руководства и работы других ученых, а что-то выспрашивать у него было неудобно.

К своим 47 годам (в описываемый период) мне посчастливилось встречаться с рядом ученых, которые, по моему разумению, относятся к настоя-

щим, истинным ученым по призванию, с которых можно и нужно было брать пример бескорыстного служения науке. Из них назову учеников Вернадского – геохимика и планетолога К. П. Флоренского, химиков-аналитиков и биогеохимиков члена-корреспондента АН СССР К. А. Ненадкевича и И. Д. Борнеман-Старынкевич, академика Д. И. Щербакова, геохимиков члена-корреспондента АН СССР А. А. Саукова и профессора И. И. Баранова. К этой же школе принадлежал мой научный руководитель по кандидатской диссертации профессор А. И. Перельман, создатель геохимической экологии В. В. Ковальский, знаменитый «Зубр» Н. В. Тимофеев-Ресовский и его ученик радиолог академик РАСХН В. М. Клечковский. К тому времени меня уже 25 лет связывало знакомство и периодическое общение с академиком Яншиным⁵, около 15 лет – с академиком-палеонтологом Соколовым, 17 лет – с академиком Ковдой, более 10 лет – с азербайджанским академиком почвоведом В. Р. Волобуевым, армянским академиком Гагиком Давтяном, эстонским академиком Хансом Трассом... Достойными учеными, достойными людьми.

Обо всем этом я и рассказал Моисееву в ответ на его вопросы в одну из наших первых встреч, полагая, что ему хотелось больше узнать о более молодом коллеге из другого академического, далекого от него, эколого-биологического цеха. Никита Николаевич слушал внимательно, не перебивая, но как-то напряженно, пристально, не отрываясь смотрел мне в лицо, как будто взвешивая, говорю ли я правду или что-то утаиваю. И хотя к концу рассказа я почувствовал себя под взглядом Н. Н. довольно неудобно, все же попытался дать ответы на его вопросы: все свои основные труды Ковда и другие ученые, с кем мне довелось близко общаться по работе и в домашней обстановке, пишут, насколько мне известно, сами, но некоторые работы есть и в соавторстве, большей частью с учениками. Но что-то в моем рассказе Н. Н. не удовлетворило. Хорошо помню этот момент: я перестал говорить и замолчал, глядя на него, а он вдруг словно отрешился от нашего общения, ушел в себя, и так мы молча просидели несколько минут, показавшихся мне долгими. Потом он как бы вышел из небытия, очнулся, повернулся к книжной полке, несколько секунд также молча смотрел на книги и безошибочно вытащил две нужные ему. По суперобложке я сразу же узнал двухтомник Ковды «Основы учения о почвах» 1973–1974 годов издания. Н. Н. открыл первый том, полистал, снова вернулся к оглавлению.

– Вам знакома эта книга?

– Конечно, мы все помогали Виктору Абрамовичу в ее написании.

– Но здесь некоторые главы, и довольно важные, насколько я могу судить – вот, по термодинамике почв – написаны другими людьми, а автор – один.

– Откуда вам это известно?

– Но там же внизу есть сноски!

– Вот видите, Никита Николаевич, там действительно есть ссылки на некоторых ученых, написавших отдельные разделы или главы. Но все они – уче-

⁵ Воспоминания автора об академике Яншине см.: Назаров А. Г. Академик А. Л. Яншин: личность на рубеже столетий // Академик Александр Леонидович Яншин: воспоминания, материалы. В 2 кн. / Отв. ред. Б. С. Соколов. М., 2005. Кн. 2. С. 142–171.

ники Ковды, а в то время они были уже профессорами или доцентами кафедры почвоведения, которой он заведовал, он всех их вырастил.

– Так почему тогда не написать коллективный труд со своими учениками?

– «Основы учения о почвах» – фундаментальный труд, для его написания и осмысления громадного материала необходимо владение фундаментальными знаниями в разных областях естествознания. Вы же сами говорили, что по разносторонности и обширности знаний Ковда относится к крупнейшим естествоиспытателям нашего времени. Ту же оценку я слышал и от Яншина. И это понимаем и мы, работающие с ним в Академии наук, и его университетские сотрудики. Весь колоссальный массив материалов Ковда сумел обобщить, пропустить через себя, соотнести учение о почвах с учением о биосфере Вернадского и показать планетарное значение почвенного покрова как основы развития и самого существования биосферы Земли. Никто, кроме него, не смог это сделать, и те два-три раздела, что Ковда попросил написать своих учеников, опять-таки были пропущены им через его видение и переработаны через призму биосферной концепции.

Где-то здесь заулыбавшийся Никита Николаевич прервал мою горячую речь, похвалив за верность своему научному руководителю, и повел на кухню, где уже хлопотала Антонина Васильевна, пить чай с пирожками. На этом, казалось бы, тема о принципах научного руководства и научном соавторстве была исчерпана – мы к ней больше никогда не возвращались. Но меня долго не покидало ощущение, что тут что-то не так, что я не понял чего-то важного во вполне безобидных вопросах Моисеева, что-то пропустил, недопонял. Иногда вспыхивало перед глазами его напряженное лицо, пристальный взгляд, как будто он не меня спрашивал – сам хотел для себя понять и решить какие-то вопросы. И потом, внезапная полная отрешенность, даже отчужденность, как будто время для него остановилось – что это такое? Это так не вязалось с его обычной живостью и благожелательностью. Но время шло, во встречах второй половины восьмидесятых мы много говорили о биосферных, экологических, биологических и других научных проблемах, обсуждали статьи, книги, и старый разговор постепенно стал забываться, но совсем не забылся: где-то в осколках памяти, в глубинах бессознательного, где ничего не исчезает, загадка непонятого «моисеевского» осталась.

Спустя 18 лет, поздней осенью 2007 г., готовясь к выступлению на международной конференции, посвященной 90-летию юбилею академика Моисеева, я просматривал на компьютере страницы его «Свободных размышлений» и в одной из последних глав книги натолкнулся на место, где Никита Николаевич с присущей всему произведению мандельштамовской «последней прямокой» говорит о стиле его руководства, общении с людьми и внутреннем («психическом», по определению Н. Н.) складе его личности. Вот где таилась разгадка памятного разговора! Изложенные ниже рассуждения относятся непосредственно к рассматриваемому периоду нашей встречи – началу 1985 г., до ухода Моисеева из Вычислительного центра:

Я думаю, что [...] стиль организации исследований, который сложился, и который я практиковал и в МФТИ, и в ВЦ, достаточно эффективен. С одной стороны, выбирая какой либо новый вопрос и делая в нем первые

шаги, я определял целенаправленную деятельность целого коллектива, то есть держал ее в определенном русле. А с другой, как только становилась ясной перспектива получения новых результатов, я уступал место инициативам моих младших коллег. Конечно, такая схема научной жизни не универсальна, но в среднем она очень рациональна. Хотя и требует от руководителя быть не директором с указующим перстом, а непрерывным искателем.

Но тогда, когда речь заходит о проблемах, в которых погружаешься сам с головой, которые начинают составлять в данный момент смысл собственной жизни – что бывает совсем не часто, то такой стиль работы неприменим. *Здесь надо уметь работать вместе и превращаться из руководителя в партнера. Вот этого я делать так и не научился. Я не умел становиться просто партнером. Для этого нужно было иметь иную психическую конституцию [...]*

*По этой же причине я не выдерживаю долгих споров и критических об-суждений. Порой случалось, что я признавал справедливость замечаний и [...] делал все же по-своему. Такая особенность моего образа мышления и поведения очень затрудняла совместную работу «на пару». Попытки совместной работы и даже писания совместных статей или книг, обычно оканчивались неудачей. А иногда даже и ссорой (курсив мой. – А. Н.)*⁶.

Возвращаясь к далекому 1985 г., трудному для Н. Н., – здесь и предчувствие распада своего научного коллектива, и назревающий уход из Вычислительного центра Академии наук, и трудности в выполнении совместных, «на пару», и коллективных научных работ – можно предположить, что в нашем разговоре он хотел понять «как у других», убедиться в своей правоте и рассказать о наболевшем. Не знаю, думаю, тогда было еще рано и для него, и, конечно, для меня. А через восемь лет он выплеснет свое невысказанное наболевшее на страницы беспощадной книги-исповеди «Как далеко до завтрашнего дня... 1917–1993. Свободные размышления»⁷. Умной, трагической, честной книги о судьбах русской интеллигенции и России, о своей собственной судьбе, не раз готовой прерваться. Книги, не оцененной и сегодня, скорее всего, мало кому известной, хотя благодаря Интернету доступной. По ней я сверяю хронологические рамки своего повествования, она помогла воссоздать некоторые эпизоды и целые картины наших встреч и многолетнего общения с Никитой Николаевичем.

«Медитация мне была свойственна с детства»

Не помню когда точно, в поздние восьмидесятые или в начале девяностых, морозным зимним вечером я позвонил в квартиру Моисеева. Звонок был громкий – чтобы слышала Антонина Васильевна из дальней кухни, а Н. Н. он не мешал, дверь в свой кабинет он обычно закрывал. Открыла А. В., встретила, как всегда, приветливо:

⁶ Моисеев Н. Н. «Как далеко до завтрашнего дня... 1917–1993. Свободные размышления». Гл. 1–14. М., 1994. Электронная версия на сайте МНЭПУ: www.mnepu.ru/moiseev/. Гл. 10. Раздел «Новая метаморфоза: биосфера...»

⁷ Моисеев. «Как далеко до завтрашнего дня...»...

– Наверное, замерзли? Проходите, берите тапочки, раздевайтесь!

В подобных случаях, когда он был дома (а это во время наших встреч было почти всегда, мы заранее улаивались о времени), из своей комнаты-кабинета, слева от входа, появлялся Никита Николаевич, сколько его помню, всегда в теплой вязаной домашней кофте. Обычно у него было хорошее настроение, и встречал он меня очередной шуточкой в мой или в свой адрес.

В тот вечер все было по-другому. Антонина Васильевна что-то убирала в прихожей, я разделся и решил подождать ее, думая, что Н. Н. еще не пришел. Но вдруг увидел, что дверь его кабинета приоткрыта; хотел постучаться и поздороваться, но остановился у порога, не решаясь войти.

Никита Николаевич сидел в кресле у окна, почти вполоборота ко мне, большая часть его лица и глаза были видны. Горела только настольная лампа на рабочем столе, в комнате был полумрак. Сначала я подумал, что он смотрит на звезды за окном. В Москве трудно увидеть звездное небо, обычно оно закрыто, но тогда был ясный морозный вечер. Потом, проследив за взглядом Н. Н., я вдруг понял, что он никуда не смотрит, никого не видит и никого не слышит. А если и видит, то что-то внутри себя. Сидел он не шелохнувшись, и его обычно прищуренные глаза были как будто расширены. Он не слышал ни довольно громкого звонка, ни наших с А. В. приветственных фраз. Сказать, что Н. Н. «глубоко задумался» – значит или ничего не сказать, или неверно передать его тогдашнее состояние. Это было полное отрешение от всего и всех, какое-то состояние транса. Оно частично передалось и мне: я застыл у дверного проема, как вкопанный, хотя в глубине сознания промелькнула мысль, что нужно отойти, нехорошо подсматривать чужое сокровенное. Одновременно в памяти пронеслась картина нашего давнего разговора, приведенного выше, когда Моисеев внезапно во время диалога прервался на полуслове, замолчал и погрузился в такое же или похожее состояние отрешенности.

Я очнулся только тогда, когда почувствовал, что подошедшая Антонина Васильевна мягко, без слов, взяла меня за локоть и повела по направлению к кухне. Отходя от двери кабинета, я снова бросил взгляд в комнату – Никита Николаевич оставался сидеть в прежней, словно застывшей позе и в том же погруженном в себя состоянии.

На кухне, собирая к чаю, А. В. взглянула на меня испытующе и спросила, как будто продолжая начатый разговор:

– Вам, наверное, кажется это странным?

И, не ожидая ответа, продолжала:

– Мне тоже было трудно привыкнуть. Но я уже давно поняла, что Никита не обычный человек, поэтому надо принимать его таким, как есть. Давайте, Толя, пить чай, Никита Николаевич позже подойдет.

Она перевела разговор на извечные женские домашние темы, а мне так хотелось спросить ее подробнее об увиденном. Но было ясно, что делать этого не следует, как и не нужно где-то распространяться об увиденном. Это был наш безмолвный уговор, и за годы общения я его ни разу не нарушил. Может быть, отчасти и поэтому у нас всегда сохранялось доверительное общение. Теперь их обоих давно уже нет, она ушла вскоре за Никитой Николаевичем, хотя была почти моей ровесницей.

Ключ к пониманию этих событий опять-таки отыскался в «Свободных размышлениях». Года два тому назад я нашел в десятой главе важную не только для себя запись Моисеева о возможной природе его состояния, свидетелем которого мне довелось оказаться:

Свое повествование я начал рассказом о нескольких часах, которые я провел наедине с Ладожским озером. *Такое состояние, похожее на медитацию, мне было свойственно с детства и очень мне помогало всю жизнь. Мне бывает трудно рассказать то, о чем я думаю в это время. Но в конце такого пребывания наедине с собой во мне обычно вызревало, вырисовывалось какое-то смутное понимание того предмета, о котором я думал.* Настолько смутное, что я всегда стеснялся о нем кому бы то ни было рассказывать. Тем не менее, я *доверял этому внутреннему зову и следовал ему. Я привык доверяться своей интуиции: она меня не подводила. Но и не давала никаких разумных аргументов для объяснения своей позиции (выделено мной – А. Н.)*⁸.

Следовательно, сам Никита Николаевич говорит о «состоянии, похожем на медитацию». В отрывке о Ладожском озере он еще более определенно пишет о медитации, к которой прибегает, когда необходимо принять особо важные жизненные решения или найти ответ на трудные научные или социально-мировоззренческие вопросы. По-видимому, со временем, а возможно, и всю сознательную жизнь такой способ предельной концентрации мысли и переработки огромных объемов информации стал для Моисеева нормой его творческой деятельности. По крайней мере, за годы общения мне несколько раз довелось сталкиваться с внезапным уходом Н. Н. «в себя», как бы совершенным отключением его от окружающего мира и собеседника, но эти периоды были не такими продолжительными, как описанный выше. По-видимому, в глубокую медитацию, длившуюся несколько часов, Моисеев погружался реже, и когда был один.

Нельзя забывать, что состояние, в которое входил Н. Н. и из которого выходил с определенными принятыми решениями, требовало, можно предположить, развитого внутреннего механизма перебора очень большого количества различных вариантов. А для этого необходима хорошая память и развитое комбинаторное мышление плюс все те способности, что заложены в генах и выявляются с детства. Все это было в Моисееве в избытке, но особенно хочу подчеркнуть его всегда поражавшую меня феноменальную память, способную вбирать невероятное количество новой для него, в частности, эколого-биосферной и космо-биологической информации, и феноменальное, рационально организованное трудолюбие. И, конечно, высокая общая культура настоящего русского интеллигента. Сливаясь вместе, эти качества позволяли ему сразу, без черновиков, работать удивительно быстро, без перерывов. Может быть, состояние медитации помогало ему избегать творческого застоя, а развитая безошибочная интуиция подсказывала моменты и периоды возможных опасностей.

⁸ Там же. Гл. 10. С. 1.

Творческий феномен Моисеева несомненен: даже в далекой от него научной области Н. Н. мог безошибочно выбирать, причем в поразительно короткий период, лучшие варианты развития событий и наиболее короткие пути достижения целей, как будто заранее знал и воочию «видел» общую картину еще не раскрытых реальностей. Лично мне такая версия моисеевской медитации и его творческого феномена, не иссякшего до последних дней его жизни, перевалившей за 80 лет, кажется научно приемлемой.

«Я пишу набело...»

В конце новогодних каникул 1986 г. я пришел Моисееву показать свою статью «К понятию организованности ноосферы», которую он попросил написать до Нового года для первого сборника затеянной им серии «Кибернетика». Я долго отказывался, смутно представляя, что бы такое «кибернетическое» мог написать в моисеевский сборник. Но Н. Н. продолжал уговаривать, к тому же и Ковда тактично намекнул мне, что «Никите нельзя отказывать, мы много лет с ним работаем вместе по биосферно-ноосферной проблематике, сам я сейчас очень занят». Понятно, не обошлось без звоночка между старыми соратниками; из уважения к ним обоим я решил попробовать. Но сроки уже все прошли, не успеваю отпечатать, звоню Моисееву: «Привозите, как есть». Я с извинениями передал Н. Н. написанную от руки рукопись со многими вставками, правками и зачеркиваниями, собираясь усаживаться рядом для расшифровки непонятных мест. Но он сказал, что «не надо, почерк у вас понятный, может быть, вы пока чаю с дороги выпьете?» С тяжелым чувством я отправился на кухню, передал Антонине Васильевне от своей Васильевны привет и листок с каким-то очередным кулинарным рецептом. Видя мой опущенный вид, А. В. стала успокаивать:

– Если бы Никите Николаевичу что-то было непонятно, он бы не стал читать! Вот недавно к нему приходил аспирант, тоже с рукописью, так Никита ему строго выговорил и отправил обратно.

Я не стал говорить, что между аспирантом и доктором наук все-таки должна быть какая-то разница, хотя бы в культуре общения.

Время для меня показалось вечностью. Мы с А. В. уже обо всем поговорили: и об успехах моей дочки, собиравшейся в первый класс, и о кулинарных успехах Татьяны Васильевны, освоившей рецепты А. В., а Никита Николаевич все не появлялся. Наконец, дверь в кухню скрипнула, и на пороге показался улыбающийся, оживленный Н. Н. с моими листками в руках. Он сел к столу рядом со мной, энергично отодвинул чашку и показал строчки в тексте:

– Вот здесь, и здесь, да и здесь тоже я попытался проанализировать, почему вы зачеркнули и поставили новые слова. Ведь они, по сути, синонимы, я даже в словаре посмотрел, а звучат лучше, и смысл передают точнее. Долго ломал голову, но так и не мог понять. Не поделитесь секретом?

Я ожидал чего угодно, готов был признать свое невежество, что влез в совершенно чуждую мне кибернетическую область и т. п.

– Секрета у меня, Никита Николаевич, тем более от вас, никакого нет. Просто когда пишу, чувствую внутри себя ритм. Наверное, это от занятий теори-

ей и историей музыки, музыкальной литературой. Когда ритм сбивается и я начинаю спотыкаться, стараюсь найти более подходящие слова, фразы, делаю перестановки, но это происходит как-то само собой, ни в какие словари я специально не заглядываю, только иногда сверяю грамматику и правописание.

– Значит, все-таки секрет есть – музыкальный ритм. Очень интересно... Вы счастливый человек! А вот мне медведь на ухо наступил, я внутри, по-моему, ритма не слышу.

– Но вы ведь, Никита Николаевич, хорошо пишете!

– Не так хорошо, как бы хотелось! Но знаете, Анатолий Георгиевич, *я пишу набело. Сразу. Без черновиков, и редко что правлю потом*. Я по-хорошему завидую той тщательной работе, что вы проводите с текстом, Так и надо работать. Но у меня нет времени. Я поздно начал, далеко за 60, заниматься любимым для себя делом. И надо успеть. Еще столько нужно сделать!

Он протянул мне рукопись статьи:

– Возьмите. Молодец. Так и держите!

Прощаясь, я все же спросил Н. Н., а что же с содержанием статьи?

– С содержанием? А что с ним? Содержание хорошее, я же сказал, что вы молодец, таким языком нельзя плохо писать. Статью принимаю, сейчас позвоню Пекелису (редактору – А. Н.).

Признаюсь, я не сразу тогда поверил Н. Н. Возможно ли, что увлекшись стилистикой текста, разбором моих перечеркиваний, вставок, подбором вариантов разных слов и выражений, он не стал меня огорчать его слабоватым содержанием? Так бы, наверное, я и остался при своем мнении, если бы при очередной встрече на работе с Ковдой он с видимым удовольствием не сообщил мне, что ему «звонил Никита Моисеев, хвалил вашу статью, говорит, что написана хорошо. А вы не хотели писать!»

– Помните, я вам советовал не отказываться? Да, Толя, я вижу, вам надо выходить на самостоятельную дорогу. Вы уже переросли рамки лаборатории.

Не знаю, как связаны описываемые события, в общем, довольно заурядные, с написанием одной из многих статей одним из многих научных сотрудников, скорее всего, никак, но через месяц президиум Академии наук рекомендовал назначить меня директором-организатором одного из институтов Дальневосточного отделения академии, о чем речь пойдет в следующем разделе.

Когда статья вышла, Н. Н. сам дал мне экземпляр сборника с лестной надписью, взяв с меня слово писать и в следующие сборники этой серии. Но во время переездов кто-то попросил меня дать почитать сборник, и он бесследно пропал. Конечно, я расстроился, жаль было потерять подписанный Моисеевым экземпляр, а других было уже не найти, все разошлись, так я и остался вообще без сборника. Но совсем недавно, в июне 2009 г., во время заседания ученого совета ИИЕТ РАН, бывший директор института В. М. Орел неожиданно подарил мне этот сборник, увидев в нем мою статью. Он его обнаружил, разбирая завалы книг в своей квартире. Пусть и без памятной надписи, но через 23 года ко мне вернулась частица памяти о дорогих моих наставниках – В. А. Ковде и Н. Н. Моисееве. Я намеренно решил подробно привести, казалось бы, ничем особо не примечательный эпизод, но как иногда в самом обычном высвечиваются необыкновенные черты, свойственные только большой личности! Я и сейчас думаю, перечитав статью после 20-летнего пере-

рыва, что Н. Н. хвалил меня все же авансом, можно было написать и получше, поработать над текстом без спешки, хотя там и есть несколько новых научных понятий. Но Никита Николаевич хотел подвести нас к другим, новым горизонтам кибернетического подхода к биосферно-ноосферной проблематике, показать его эвристическую ценность в моделировании биосферных процессов и влиянии на них процессов ноосферогенеза. Для меня же осталась в памяти еще одна его существенная черта: «Я пишу набело». Он так и жил – набело, без подпорок-черновики, мужественно преодолевая жизненные невзгоды и выпавшие на его долю испытания.

Колымский тракт

В 1986 г. президиум Академии наук направил меня по контракту директором-организатором Камчатского института природных ресурсов, а спустя несколько месяцев, когда на Камчатке приостановили финансирование работ, послал директором Института биологических проблем Севера Дальневосточного отделения Академии наук в Магадан. Когда дважды в год я приезжал в Москву на общее собрание Академии наук, обязательно виделся с Моисеевым, делился впечатлениями, приглашал его приехать. И он сумел выбраться! Прилетел в 1987 г., в год своего 70-летия, вместе с Г. И. Марчуком, в то время президентом АН СССР, в Магадан. Гурий Иванович провел с директорами институтов совещание, потом был прием у первого секретаря обкома партии Н. И. Малькова, затем Марчук вылетел во Владивосток, суета схлынула, и оставшиеся несколько дней мы могли свободно общаться с Н. Н. Гуляли по Магадану, объезжали побережье портовой Нагаевской бухты, куда в 1930-е гг. приходили корабли и баржи с заключенными. Никиту Николаевича остро интересовала история Колымы, он все время задавал «исторические вопросы», но на многие из них я сам не мог ответить. Поэтому пригласил на наши прогулки и беседы с Н. Н. двух знакомых уже пожилых научных сотрудников-геологов, оставшихся работать в Магадане после освобождения из заключения. Я не присутствовал на всех их беседах с академиком, но раньше с ними общался и представляю, что они могли рассказать о своем житье-бытье в колымских лагерях.

Судя по выражению лица Н. Н., общение с живыми очевидцами событий, узниками лагерей, произвело на него большое впечатление. Помню, он говорил мне, что его особенно поразил тот факт, что люди, проработавшие в заключении с молодых лет (сроки в 10–15–20 лет) и освободившиеся только после 1955–1956 гг., не озлобились, сохранили человеческое достоинство, продолжали творчески работать. Ту же черту Н. Н. замечал и среди своих московских знакомых, побывавших в тюрьмах и сталинских лагерях. Соглашаясь с ним, я рассказал о своем знакомстве с Вадимом Алексеевичем Козиным, у которого не раз был в гостях в его магаданской квартире. Я привез с собой много музыкальных пластинок. Козин – интересный человек, певец, композитор, поэт – был очень этому рад, мы слушали некоторые новые и старые записи, и я также не заметил в нем какой-то особой озлобленности. Он так и остался постоянно жить в Магадане, не уехал на материк. Сюда же в

1968 г. приезжал к своему другу Игорю Кохановскому Владимир Высоцкий, тут и родилась его известная песня «Мой друг уехал в Магадан». Любимый у нас в народе киноартист Георгий Жженов проработал после лагерей в магаданском театре до 1946 г., а эстрадный певец Михаил Шуфутинский пел здесь в ресторане в начале семидесятых около четырех лет. Мне нравились повести и рассказы Олега Куваева, геолога и писателя, жившего на Колыме с начала 1950-х гг. К магаданцам относят и писателя Василия Аксенова: его мать Евгения Гинзбург, сидевшая в колымских лагерях, напишет потом свой знаменитый «Крутой маршрут», который будет поставлен на сцене, а саму книгу издадут за рубежом. Все, что я сумел накопить по истории людей и края за год своего пребывания, я выкладывал Н. Н. порциями во время наших пешеходных прогулок по городу и окрестностям.

На третий или четвертый день мы долго шли по прямому центральному магаданскому проспекту имени Ленина, подошли к окраине города. Чувствовалось, что Моисеев устал, хотели уже вернуться в гостиницу. Но вдруг Никита Николаевич спросил, взглядываясь в асфальтированное продолжение проспекта, уходящего за пределы Магадана:

– А куда ведет эта дорога? Или это еще проспект продолжается? Но ведь здесь уже зданий нет, неужели проспект так далеко идет в пригород?

– А вам разве не говорили? Вы ведь уже проезжали с Гурием Ивановичем Марчуком по этой трассе, когда прилетели из Москвы.

– Так это дорога в аэропорт? Мы прилетели поздно, плохо было видно, и мы все время ехали за сопровождающей машиной ГАИ.

– Это дорога на Колыму. Колымский тракт, Колымская или Магаданская трасса. Проспект Ленина плавно в нее переходит. Так было задумано.

– Так это здесь находились колымские лагеря?

– Да, здесь, по трассе или в небольших ответвлениях от нее, по долинам речек.

– А мы не могли бы проехать по ней?

– Весь тракт длинный. До Усть-Неры чуть больше 1000 км. До Сусумана 630, до Ягодного 550, до Оротукана 400 км. За день туда и обратно не добраться.

– А куда можно добраться?

– Самое дальнее расстояние, чтобы успеть обернуться, наверное, поселок Атка. Это 200 км. Но многое еще зависит от погоды.

Больше Н. Н. вопросов не задавал, и я полагал, что поездку по Колымскому тракту мы больше обсуждать не будем: большие расстояния на Колыме должны были его убедить. Но утром, еще до работы, Никита Николаевич позвонил мне из гостиницы на квартиру, чтобы, как он сказал извиняющимся голосом, «уточнить время нашей встречи». Мне показалось это странным, поскольку особенно уточнять было нечего – мы с водителем на машине подъезжали обычно к гостинице к 8³⁰, к окончанию его завтрака. Подъехав, мы увидели ожидающего нас на крыльце Моисеева. Еще одна странность: в прошлые разы я сам поднимался к нему в номер, мы обменивались впечатлениями, беседовали, а потом спускались к машине. Н. Н. выглядел каким-то встревоженным и сразу же обратился ко мне:

– Я тут подумал, мне обязательно надо съездить на трассу, хотя бы недалеко, не могли бы вы это устроить? Скоро уже уезжать, а так бы хотелось самому посмотреть на Колыму, ведь больше уже не придется.

Таким я еще Никиту Николаевича не видел: в нашем общении он никогда ни о чем не просил. А здесь в глазах его была какая-то мольба, будто он ожидал неминуемого отказа. Не успел я еще ответить, как услышал от стоявшего рядом водителя:

– Можно и съездить, чего ж не съездить, если академик Никита Николаич просит. Вы ж не против, товарищ директор?

Наш институтский водитель Николай был уроженцем Колымы, человеком бывалым, много знавшим об истории своего края. Мы с ним уже проезжали по Колымскому тракту два или три раза по институтским делам, с остановками в местах, где раньше были лагеря заключенных. Одним из таких мест – ответвлений от трассы был поселок Сеймчан, где имелся рудник или прииск: там жили, если не ошибаюсь, после освобождения, родители Николая. Если бы он знал, какие мысли пронесли и засели в голове «товарища директора» после его уверенной речи! «Кто разрешит?» – засела главная мысль, а вместе с ней и целый рой «окологлавных». Была весна 1987 г. Перестройка еще впереди. И весна для Колымы, в прямом и переносном смысле, тоже была еще впереди. Несмотря на май было по-зимнему холодно. О том, что мы повезем по колымскому тракту смотреть уцелевшие лагерные постройки самого академика Моисеева, крупнейшего ученого, лауреата Государственной премии, из Москвы, которого вместе с президентом Академии наук Марчуком сам Первый принимал, и «Магаданская правда», а с ней и другая дальневосточная пресса пестрела его портретами, с перечислением его орденов и медалей, фронтовых и научных заслуг, – обо всем этом необходимо было забыть и никогда не вспоминать. Никаких лагерей и излишней любознательности. Нужно было придумать что-то совсем другое, безобидное, не вызывающее у компетентных органов ни тени подозрения в нашем «злом умысле».

Все эти охальные мысли я изложил в машине по дороге в «учреждение» по Магаданской области. И мы придумали. Вернее, придумал Никита Николаевич, я только поддержал. Он с прищуром, обернувшись, посмотрел на меня, потом на Николая и спросил:

– А разве здесь кто-то говорил про поездку к лагерям? Коля, вы слышали, чтобы я говорил вам что-то про лагерь?

Николай обожал, когда «большие люди» обращались к нему «на вы», и он с первого же дня проникся к Н. Н. симпатией. Конечно же, он ничего подобного не слышал, а в «учреждении» у него были свои связи и солидный авторитет, чего я не мог сказать про себя. Дело в том, что Николай считался одним из лучших водителей, что для условий колымского бездорожья дорогого стоит. Он закончил, кажется, в Хабаровске какой-то индустриальный, чуть ли не автомобильный, техникум, был прекрасным, от Бога, механиком, умел на трассе сам устранить неполадки в моторах машин всех советских марок. Когда приезжали «большие люди», вызывали только его (нередко и ночью), довольно часто его эксплуатировали и начальники из «учреждения» и обкома партии. По этому поводу, когда Колю срочно вызывали, а у нас тоже что-то срочное

горело, у меня несколько раз были крупные телефонные разговоры, в том числе и с «учреждением», где не принято ничего забывать.

Не буду описывать, как нам удалось получить разрешение на поездку «без сопровождения». Никита Николаевич проявил свой незаурядный дипломатический дар, умение найти компромисс. В обосновании целей поездки, которое он собственноручно написал на листе бумаги, говорилось о «биосферно-ноосферном изучении особенностей районов Колымы с целью создания базы данных и математического моделирования биосферно-ноосферных процессов» и все в таком же духе, одним словом, академическая наука, на то и академик из Москвы приехал! Начальство такое объяснение удовлетворило. Небольшое напряжение возникло при слове «ноосферный». Н. Н. пытался доходчиво объяснить, но немного увлекся, и у него появились такие *чужие* слова, как «духовное совершенствование», «сфера духа» Пьера Тейяра и прочие. Нас внимательно выслушали, но сказали, что термин «ноосфера» *не наш*, и лучше его из обоснования поездки вычеркнуть.

Мы выехали из Магадана засветло, рано утром, на моем директорском уазике, и поехали с Никитой Николаевичем по Колымскому тракту. Пока мы ехали одни по пустой асфальтобетонной трассе до аэропорта и поселка Сокол, что в 50 км от Магадана, я попробовал вкратце рассказать Н. Н. основные вехи создания тракта. Николай тоже принял живое участие, где надо подправлял, а где и добавлял. Дорогу к северу от Магадана через колымские горные хребты и речные долины до поселка Усть-Нера с предполагаемым ответвлением до Якутска начали строить в 1932 г. усилиями созданного в 1931 г. Треста дорожного строительства МВД «Дальстрой». Уже летом 1932 г. было построено 30 км трассы и 90 км зимника. Строили, в основном, заключенные, но первые годы активное участие принимали и добровольцы, большей частью по комсомольскому набору, затем – только заключенные. Через шесть лет была пробита трасса до центральных районов Колымы. После пика сталинского террора в 1937–1938 гг. на Колыму прибыла свежая рабочая сила в виде новых партий заключенных. На Колыме в те и последующие годы было развернуто интенсивное строительство основной колымской трассы и боковых ответвлений от нее к рудникам, угольным месторождениям и золотоносным приискам (к Усть-Омчугу, Сеймчану, Серпантинке и др.). Предвоенные и военные годы были самыми тяжелыми. На строительстве, не прекращавшемся и в лютые морозы, гибли многие тысячи, а вероятнее всего – и сотни тысяч заключенных. Колымский тракт со сложными мерзлотно-болотистыми участками в долинах рек и скальными серпантинами на горных хребтах и каменистых плато, протянувшийся до Усть-Неры на 1042 км, был достроен через 21 год, к 1953 г. В 1941 г. началось строительство Хандыгской трассы к Якутску. Чтобы закончить, добавлю, что бывший Колымский тракт, или Магаданская трасса федерального значения (№ 56) Москва – Якутск, на участке от оконечности проспекта Ленина в Магадане до центрального почтамта в Якутске протяженностью 2032 км официально открыта для круглогодичного пользования только 25 октября 2008 г., через 66 лет после начала ее строительства первыми партиями заключенных Колымы.

Н. Н. слушал, спрашивал, задумывался, снова спрашивал, но большую часть поездки не высказывал своего отношения к услышанному и увиденно-

му. Первая наша остановка была в пос. Палатке (80 км от Магадана). Здесь хорошая дорога кончалась, дальше пошли грунтовки, скальники и серпантины. Видя домики-развалюхи, Никита Николаевич воскликнул: «Как могут здесь зимой, да и вообще, жить люди?» Простодушный наш водитель ответил, что «тут живут не люди, а освободившиеся бывшие зэки, куда им деваться?»

Дальше Николай повез нас по ответвлению от основного тракта – Тенькинской трассе на Усть-Омчуг. Проехав где-то около полутора-двух часов, мы снова свернули на слабое подобие дороги, остановились, когда дальше нельзя было проехать, и Николай повел нас смотреть сохранившиеся лагерные постройки, среди них и уцелевшие бараки женского и детского лагерей. Он рассказывал, что на Колыме было несколько детского лагеря, куда посылали детей старше 12 лет. До этого я уже успел познакомиться с целым рядом лагерей по Колымскому тракту, но детского еще не видел. Коля говорил, что с питанием было плохо, да и не всегда было можно, особенно зимой, пробиться к лагерю из-за заносов. Больных и ослабевших детей здесь долго не держали – добивали, расстреливали, как он выразился, «пачками». Может быть, еще и от этих слов место казалось жутким, мрачным и недоступным: куда отсюда убежишь? Голая каменистая пустыня. Никита Николаевич долго стоял, опустив голову, потом сказал, обратившись к нам:

– Кто за все это ответит?

И опять быстро нашелся Коля:

– А некому отвечать. Кто живой остался, что с них спросишь? Вот у нас в поселке, где мамка с батюшкой живут, там и охранники, кто их в лагере сторожил, остались, уже им за 60, а то и под семьдесят будет. Мамка говорила, что лютовали очень, а взять с них нечего, сами подневольные были. Да и многих их самих порасстреливали.

Конечно, вопрос Моисеева был более общий, и обращался он не к нам, а к существовавшей еще тогда Системе, но, по большому счету, прав Николай: спросить уже не с кого.

Мы вернулись на основной Колымский тракт и быстро, без остановок доехали до Яблоневого перевала (140 км), здесь вышли размяться, от высоты немного закладывало уши. Я сообщил Н. Н., что мы находимся на историческом по географическим понятиям месте: здесь проходит водораздел двух океанов, Тихого и Северного Ледовитого. Открывался хороший вид на кажущийся совершенно диким Колымский край. Дальше начинается водосборный бассейн реки Колымы, до самой долины реки еще далеко, мы туда не попадем. Спустились с перевала и доехали до Атки (200 км). Никиту Николаевича с непривычки опять поразил убогий вид и запустение поселка, хотя в нем, помнится, были один или два пятиэтажных дома, но остальное можно назвать «нежилем».

В поселковом совете Атки состоялся откровенный разговор за чаем. Никита Николаевич спрашивал председателя и с ним еще нескольких старожилов, какими они видят перспективы развития своего и других поселений на Колыме. Люди, каждый по своему, выражали одну и ту же мысль: перспектив никаких нет. Те, кто мог и кому было куда уехать, уже уехали. Работы здесь нет. Только на горно-обогатительных комбинатах и крупных приисках люди еще работают, но платят мало, только северный коэффициент поддерживают. Притока рабочей силы и, главное, специалистов нет – кто сюда поедет?

Никакого будущего для молодежи здесь тоже нет, да и какая у нас молодежь, все кто куда разъехались. По мнению председателя, в ближайшие 5–10 лет многие поселки на трассе будут ликвидированы или объединены и укрупнены. Все это строилось для содержания заключенных, расконвоированных или тех, кого определили на поселение. Новая Колыма должна быть другой. Она должна привлекать людей. Но до этого еще очень далеко, если вообще когда-нибудь будет здесь новая жизнь.

На такой грустной ноте мы расстались. Проехали по тракту к северу еще километров 60–80, посмотрели еще два лагеря, но первое впечатление все-таки самое сильное, потом оно притуплялось от общего вида брошенных домов, запустения встречавшихся маленьких поселков, где люди жили за чертой бедности – доживали. Все это действовало угнетающе, мы видели с водителем, что Никита Николаевич потрясен увиденным прошлым и полной беспросветностью настоящего.

Мы повернули. Обратный путь без остановок, практически по безлюдной трассе все равно занял часов шесть, если не больше. Вернулись в Магадан уже к ночи. На обратном пути не хотелось говорить, немного подремали, но потом Никита Николаевич, словно продолжая свои размышления, неожиданно заговорил о своей семье. О всех репрессированных членах семьи Моисеевых: деде, отце, мачехе (мать у него умерла), ближайших родственниках. Тогда, в машине, он впервые скупно рассказал и о своей судьбе изгоя, об опасности, грозившей ему многие годы – до и после фронта. Стало понятно, почему он так хотел сам прикоснуться к истории Колымы. Для него она была частью его личной истории, истории его семьи, его народа. Его мироощущение отразилось в названии одной из его статей: «Низко кланяюсь долготерпению народа, к которому принадлежу». Ощущение принадлежности к своему, русскому народу с его трудной историей, его необъяснимым долготерпением, стало существенной чертой его личности.

Об этом я вспоминаю сегодня, спустя 10 лет после его кончины, в связи с одним нашим разговором по пути в Магадан. Судьба семьи, рассказанная Моисеевым, произвела на меня большое впечатление, но не меньшее – и на водителя Николая, родители которого сумели выжить в колымских лагерях. Он спросил, слышал ли Никита Николаевич о «долине смерти» на Колыме.

– Долина смерти? – он немного помолчал. – Нет, не слышал.

– Мы там были с товарищем директором прошлым летом.

В памяти вспыхнула будто только что виденная картина. Во всех деталях и с ощущением переноса в другое пространство и измерение. Летом 1986 г., когда после аварии на Чернобыльской АЭС мои настойчивые попытки уехать на материк и как специалисту в области радиобиологии и радиационной экологии принять участие в ликвидации последствий Чернобыля были твердо пресечены первым секретарем Магаданского обкома КПСС Николаем Ивановичем Мальковым⁹, для меня стало ясно, что нужно осваиваться на новом месте.

⁹ Подробнее см.: Назаров А. Г. Страница из истории неизвестного Чернобыля // Глобальные проблемы безопасности современной энергетики (материалы международной научной конференции). К 20-летию катастрофы на Чернобыльской АЭС (Москва, 4–6 апреля 2006 г.). М., 2006. С. 38–58.

С водителем Николаем в конце мая или первых числах июня 1986 г., с останками и ночевками, я впервые поехал по Колымской трассе. В Ягодном, где мы собирались переночевать, Коля предложил мне съездить «на Серпантинку» – она была неподалеку от трассы, километрах в 30–35. Тогда я уже слышал о «Серпантинке», так называлась следственная тюрьма, что была расположена в долине ручья Снайпер у пос. Хатыннах (или Хатынгнах, точно не знаю). Рядом находился один из самых страшных колымских лагерей НКВД. Здесь в конце 1930-х гг. без суда и следствия производились массовые расстрелы сотен и тысяч заключенных. Странным образом у меня в памяти совсем не сохранился вид самой тюрьмы – возможно, к тому времени ее уже и не было. Но лагерные постройки сохранились, однако не они привлекли мое внимание. На противоположном берегу речки, в обрыве борта долины, белела какая-то полоса, похожая на солевой горизонт. Меня это сразу же поразило и заинтересовало, проснулся научный охотничий азарт: как солевые выпадения, распространенные в южных районах, могли образовываться на Крайнем Севере? Я позвал водителя, по заброшенным бревнам мы перешли речку. Я немного замешкался, Николай быстро прошел к обрыву и что-то внимательно рассматривал, пока я подходил. Приближались легкие сумерки, издали было не очень хорошо видно, что могло привлечь внимание водителя, обычно не интересовавшегося нашими научными изысканиями. Когда я остановился рядом, то сначала не мог сообразить, что это за белые крупные «выпоты солей» под поверхностью почвы, присыпанные мелким песком и суглинком.

«Так это ж кости!» – неуверенно проговорил Николай и стал раскапывать руками белый слой. Я тоже увидел закругленные края выглядывавших белых костей, но рассудок отказывался принимать увиденное: вниз по течению речки в обнажившемся обрыве четко выделялся сформировавшийся подпочвенный *геологический горизонт* из выбеленных человеческих костей. Берцовых, позвоночных, реберных, а водитель еще откопал и показал мне деформированные остатки черепов. Видимая часть почвенно-геологического антропогенного костного горизонта имела мощность (толщину) от 20–30 до 50 см и простиралась на 35–40 м, дальше слой перекрывался песчаной осыпью. Выше по течению обрыв переходил в пологую, с небольшим уклоном, песчаную террасу, покрытую редкой травянистой растительностью. Слой здесь также скрывался под делювиальными и речными наносами. Под нижней кромкой (подошвой) слоя были отчетливо видны следы криогенных воздействий: периодического промерзания–оттаивания, по-видимому, обозначающие границу глубины нахождения сезонного деятельного слоя. В нем и ниже него костей не наблюдалось: они как бы выталкивались в процессе многолетних циклов промерзания – оттаивания к верхней границе деятельного слоя многолетней мерзлоты, медленно перемещались по уклону речной долины, а сверху перекрывались периодическими наносами и делювием склонов во время паводковых разливов. Затем наносы постепенно закреплялись благодаря процессам неглубокого северного почвообразования, а слой выбеленных многократным вымораживанием человеческих костей оказывался погребенным и запечатанным в современной толще четвертичных отложений, формируя новый геологический горизонт неизвестной в миллиардной истории Земли и не имеющей научного названия колымской – и соловецкой, и воркутинской, и екатерин-

бургской, и мордовской, и казахстанской – скольких еще гулаговских эпох человеческого изуверства и уничтожения своего народа.

Так мне представлялось, с большой долей научной достоверности, на основе предшествующего научного опыта, образование нового сотворенного природой геологического слоя из останков сотен тысяч человеческих душ и страданий. Только говорить здесь «научным языком» о «научном опыте» кощунственно: подлинная наука к зверствам нелюдей в погонах и халатах отношения не имеет. Не должна иметь. Иначе она не может называться наукой.

Мы вернулись. Коля достал фляжку, мы молча выпили неразведенного спирта. Только об одном думали: сколько же нужно было загубить человеческих душ, чтобы в геологическом разрезе мог образоваться и не менее полувечка сохраняться новый горизонт. Проклятая привычка все анализировать и научно обобщать подсказывала несложный ответ: взять площадь террасы, где хоронили или куда сбрасывались без захоронения тела, по известной мощности слоя прикинуть площадь... – долгое время мне стоило больших усилий избавиться от навязчивого образа белеющего в наступающих сумерках в обрыве реки слоя. Время, говорят, лечит; меня до конца так и не вылечило. Да и Николай, сам родившийся в лагере, чудом выживший и много испытывавший в своей рано оборвавшейся вскоре жизни, много раз в наших поездках возвращался к страшной находке в Долине Смерти. Вот и при Никите Николаевиче не смог удержаться. Хотел, наверное, у высшего авторитета удостовериться, правильно ли он понял объяснения «товарища директора».

Никита Николаевич долго молчал, выслушав наш, с перебивами друг друга, рассказ. Потом сказал о том, что образование геологического слоя из останков погибших без вины миллионов, а в нашем случае, по его грубой прикидке, не менее десятков тысяч человек, глубоко символично.

– Зло не может исчезнуть само по себе. Оно должно быть побеждено теми людьми и теми поколениями, для которых содеянное злом не может иметь место ни при каких условиях. И не только в реальной жизни, но и в сознании людей, в их нравственной основе. А чтобы понять, что сотворенное злом не имеет право на существование, нужно увидеть то, что вы увидели. И видеть это должны те, кто будет жить сегодня и завтра, кому строить будущую жизнь. Иначе нам никогда не искоренить остатки сталинизма. Я вот сидел и думал: мы и в Магадане много посмотрели, и здесь, в глубинке, общая картина вырисовывается, а почему же нет до сих пор ни одного памятника жертвам Колымы? Да и не только Колымы. Неужели будем делать вид, что ничего не произошло, и все можно забыть? Если это так, то нас ждет страшная перспектива. Ваша Долина Смерти с по крайней мере для нескольких поколений впаянным в толщу пород горизонтом из костей десятков тысяч жертв массовых сталинских репрессий должна стать лучшим уроком воспитания нового отношения в мире людей.

Конечно, я не могу точно передать слова Н. Н., но за общий ход его мыслей ручаюсь.

Так, в раздумьях о виденном и о будущем, закончилась наша поездка с Никитой Николаевичем по Колымскому тракту. Прощаясь у гостиницы, он поблагодарил нас за все, что мы ему показали и рассказали, и «за то, о чем решили умолчать» – добавил он с хитринкой. Мы с Николаем переглянулись:

«Откуда знает?» Но ничего не успели ответить, как Н. Н. неожиданно пригласил нас к себе в номер попить чайку вместе, все равно ему сейчас не заснуть¹⁰. За чаем под впечатлением поездки мне пришло на память слышанное в Магадане четверостишие Георгия Иванова:

Россия тридцать лет живет в тюрьме,
На Соловках или на Колыме.
И лишь на Колыме и Соловках
Россия та, что будет жить в веках.

Никита Николаевич спросил, тот ли это Георгий Иванов, из зарубежья, он его любит, мудрый поэт. Я не знал, тот ли, из конца Серебряного века, или нет, просто не задумывался, стихи пришли спонтанно, под влиянием минуты.

– Но если это тот же самый, – продолжал Н. Н., – то вам будет интересно услышать еще одну его мудрую мысль.

И он глуховатым голосом произнес:

Туман... Тамань...
Пустыня внемлет Богу.
Как далеко до завтрашнего дня!
И Лермонтов один выходит на дорогу,
Серебряными шпорами звеня.

«Как далеко до завтрашнего дня» (без восклицательного знака) Никита Николаевич возьмет в качестве заголовка своей автобиографической книги через семь лет, в 1994 г. В память о нем я решаюсь так же назвать свои воспоминания, потому что последнее десятилетие его жизни он страстно мечтал о наступлении другого, *завтрашнего* дня и много для этого сделал.

К концу его пребывания в Магадане, на следующий день, мы с ним дали обещанное интервью, похожее на статью, центральной магаданской газете¹¹.

Пройдет еще четыре года, и на Колыме появятся первые памятники жертвам массовых политических репрессий. Когда в августе 1997 г. по служебным делам я был в командировке во Владивостоке, то там узнал, что 12 июня

---

¹⁰ Мы так и не спросили у Моисеева, что он имел в виду, но пришли к обоюдному мнению, что речь могла идти только о Долине Смерти: ничего другого мы от него не угаивали. Дело в том, что на Колыме несколько мест, которые называют «долинами смерти»: описанная выше «Сerpантинка», ураново-полиметаллический рудник и лагерь «Бутугычан» (одно из самых страшных мест, описанное в повести узника лагеря поэта Анатолия Жигулина «Черные камни»); поселок городского типа Кадыкчан (в переводе с эвенкийского «долина смерти»), в Суеуманском районе; пос. Чай-Юрья, где от февральского этапа в 8000 человек к маю осталось 2000. Все они находились в долинах рек. Ближайшая к Магадану «долина смерти» находилась по Тенькинской трассе, куда мы повернули с Моисеевым осмотреть лагерь. Название свое долина получила оттого, что здесь зимой попал в морозную пургу и погиб весь этап более 2000 человек заключенных, вместе со всеми конвойными и собаками. Хоронить зимой не стали, ездили по дороге в полном смысле «по костям». Мы с Николаем договорились ничего не говорить Никите Николаевичу, но он мог узнать об этом от жителей Атки, с которыми беседовал и которые все знали.

¹¹ Моисеев Н. Н., Назаров А. Г. К экологии Крайнего Севера // Магаданская правда. 25 мая 1987 г.

1997 г. в Магадане состоялось открытие монумента Эрнста Неизвестного «Маска Скорби». Найдя повод для продления командировки, я на два дня прилетел в Магадан. Встретился с бывшими сослуживцами, потом поехал к монументу, который располагался на окраине города у подножия сопки Крутой на месте бывшей тюрьмы «Транзитки», откуда отправлялись на Колыму по Колымскому тракту все этапы заключенных. Как и другие творения выдающегося скульптора, мемориал имеет глубокий философский смысл (сравниваю с его же памятником жертвам репрессий в Элисте, Республика Калмыкия, с которым хорошо знаком). В отличие от других памятников, в «Маске Скорби» есть внутренний план – точное воспроизведение тесной камеры узника сталинских лагерей и забоя с рабочими инструментами: все производит сильное впечатление.

О «Маске Скорби» известно многим. Но о другом мемориале, установленном в июле 1991 г. и словно пропитанном мудрыми мыслями академика Моисеева, знают немногие. Он мне особенно дорог ¹².

Двухметровая глыба серого гранита окутана ржавой колючей проволокой. Надпись:

На этом месте в 30-х годах находилась следственная тюрьма «Серпантинка». Здесь были казнены десятки тысяч репрессированных граждан, прах которых покоится в этой долине.

В Долине Смерти. Неподалеку от белого слоя Земли, обращенного к Вечности.

По приезду в Москву я рассказал Никите Николаевиче об обоих мемориалах: сначала о «Серпантинке» – в конце 1991 или в начале 1992 года, – а через несколько лет, осенью 1997-го, после приезда из командировки во Владивосток и Магадан, и о «Маске скорби» Эрнста Неизвестного. Он был удовлетворен тем, что «подвижки начались». Особенно его взволновало известие об открытии скромного мемориала в Долине Смерти у «Серпантинки»: «Обратите внимание на короткую, но такую умную и глубокую по смыслу надпись на камне: “...были казнены десятки тысяч репрессированных граждан, прах которых покоится в этой долине”. Это очень точные слова, отражающие сущность преступлений сталинизма, – казнить своих граждан, не жертв репрессий, не заключенных, а людей, которые и после казни остались и должны остаться в памяти поколений гражданами нашей страны, а еще шире – гражданами Вселенной». Ценность человеческой жизни он измерял космическим масштабом.

Летом этого же года после отъезда Моисеева мне удалось вырваться в Чернобыльскую зону, встретиться и поработать там со своими коллегами. К концу следующего, 1988-го, года возвратился в Москву. Спустя еще год началась черныбыльская эпопея.

---

¹² Описание памятника, поставленного в 1991 г. уже после моего отъезда с Колымы в 1987 г., привожу со слов моих коллег и по документированному свидетельству Андрея Урицка (см. полную версию его отчета, богато иллюстрированного оригинальными фотографиями, о служебной командировке в октябре 2006 г. на Колымскую трассу для изучения состояния мостов через реки, пересекающие Колымский тракт: «Командировка в Магадан. Часть 5». Портал www.infoflot.ru).

Государственная экспертиза причин и последствий Чернобыльской катастрофы

В 1989 г. Президиумом Верховного Совета СССР был создан постоянно действующий специальный орган – Комиссия Президиума Верховного Совета СССР по изучению причин и последствий аварии на Чернобыльской АЭС (Чернобыльская комиссия ВС СССР). Меня назначили ее сопредседателем и председателем Постоянной экспертной группы Верховного Совета СССР¹³. Высший экспертный орган страны – Государственная экспертная комиссия Госплана СССР – по требованию населения, проживающего на радиационно загрязненных территориях России, Белоруссии и Украины, организовала Государственную экспертную комиссию по оценке последствий Чернобыльской катастрофы. Меня назначили заместителем председателя Госэкспертизы, и большой коллектив специалистов (около 100 человек) приступил к работе. Долго не могли найти председателя, в «верхах» говорили, что как будто среди именитых персон никто не соглашался. Каковы же были мои радость и удовлетворение, когда нам сообщили, что председателем Государственной экспертной комиссии назначили академика Моисеева! Никита Николаевич тогда болел, говорил хриплым шепотом и прибыл только на первое заседание. Его решили не беспокоить, а я регулярно приезжал к нему домой и рассказывал о том, как продвигается наша работа.

К пятилетней годовщине Чернобыля, 26 апреля 1990 г., работа была закончена, результаты вынесены на парламентское обсуждение в Верховный Совет. Объем экспертного заключения по Чернобыльской катастрофе был внушительным – более 200 страниц. Я повез фолиант Моисееву домой на подпись. Председатель должен был подписывать последним, но у нас сложилась непростая обстановка, когда ряд представителей Минатома, Минздрава, Минсельхоза и некоторых других организаций отказывались подписывать нелицеприятные выводы Госэкспертизы. Обо всем как есть я рассказал Моисееву. Он попросил оставить заключение и позвонить на следующий день.

Звоню – трубку берет Антонина Васильевна, говорит, что Н. Н. работает над заключением. На следующий день – то же самое. Через день – такой же ответ. Еще через день А. В. сказала, что Н. Н. сам мне позвонит. Я и руководство экспертизы уже начали беспокоиться, не знали, что и думать. Неужели Никита Николаевич дрогнет и не подпишет?

Нет, он не дрогнул. Долгожданный телефонный звонок к вечеру, хриплый натужный голос: «Можете приехать?» Ловлю такси, приезжаю. Захожу в кабинет, Никита Николаевич сидит в кресле, укутанный пледом, в руках толстая папка с нашим заключением.

– Я тут кое-что подправил, в основном, редакционного плана. Посмотрите, пожалуйста, устроит ли это вас.

Я открыл папку, начал листать страницы и ахнул: на многих-многих листах была моисеевская правка, а выводы еще больше усилены, особенно в части

¹³ О деятельности Чернобыльской комиссии подробнее см.: *Назаров А. Г.* Страницы «Неизвестного Чернобыля». Повествование о Чернобыльской комиссии // Неизвестный Чернобыль: история, события, факты, уроки. М., 2006. С. 273–339.

предложений о необходимости принятия специального закона о статусе Чернобыльской катастрофы и предоставлении льгот и компенсаций чернобыльцам. А внизу, где напечатано «Председатель экспертной комиссии», размашистая подпись: «Н. Моисеев».

Никита Николаевич выглядел болезненным, с потухшим взглядом своих, с прищуром, всегда испытующих глаз. Он как-то вдруг осунулся, согнулся, постарел. Молчал, пока я перелистывал страницы его правок. Весь ушел в себя, словно вдумывался и вглядывался во что-то недоступное, обычными словами невыразимое. Потом он извинился передо мной, попросил разрешения прилечь. Антонина Васильевна увела меня на кухню, пригласила попить с ней чаю, поговорить. Помолчав, сказала мне, что наши выводы экспертизы по чернобыльской катастрофе очень взволновали Н. Н., он не представлял трагедии народа, миллионов людей, оставшихся жить на пораженных радиацией чернобыльских землях; он долго не мог заснуть, много работал над текстом, волновался, что затягивает, не успевает к сроку. Для меня, для всех нас, кто был участником почти двухлетней тяжелой чернобыльской работы, поступок Моисеева был актом гражданского мужества настоящего российского ученого, фронтовика, интеллигента.

Нигде, ни в одной из биографий и автобиографических справок об академике Моисееве даже не упомянута описанная здесь работа Никиты Николаевича в качестве председателя Государственной экспертной комиссии Госплана СССР по оценке последствий Чернобыльской катастрофы. А ведь именно ему, его человеческой порядочности и гражданскому мужеству мы обязаны тем, что Чернобыльская катастрофа стала называться радиационной катастрофой всемирного масштаба, а не просто «аварией на четвертом блоке Чернобыльской АЭС». Своим авторитетом и влиянием он поддержал нас, рядовых сотрудников, в важнейшем для миллионов людей и ликвидаторов аварии вопросе о законодательном закреплении их законных прав на лечение и получение льгот и компенсаций за ущерб, причиненный их здоровью чернобыльской радиацией.

Несмотря на очень плохое самочувствие Моисеев попросил собрать членов чернобыльской госэкспертизы в здании Госплана СССР (ныне – здание Государственной Думы РФ на Охотном ряду), приехал и лично поблагодарил каждого участника за «честную и такую нужную для новой России работу», а тех, кто не подписал итоговое экспертное заключение, призвал еще раз взвесить аргументы «за» и «против» и в случае несогласия с выводами дать обоснованное фактами свое письменное «особое мнение», которое также станет достоянием общественности. Всё, видимо, быстро взвесив, большинство «сомневающихся» сразу же, в присутствии Моисеева, заключение подписали, и Верховный Совет принял закон о Чернобыльской катастрофе.

В этих событиях проявилась еще одна грань высоконравственной личности Моисеева. Верховный Совет принял решение опубликовать в открытой печати наше экспертное заключение по Чернобылю. Вместе с руководителями экспертных групп я засел за подготовку текста к печати. Само собой, имя Моисеева как председателя экспертизы стояло в нашем документе на первом месте. Когда же заключение вышло в свет в «Бюллетене ВИНИТИ», к моей и всеобщей досаде и недоумению фамилия Моисеева из списка авторов ис-

чезла. Я начал выяснять в руководстве ГЭК Госплана в чем дело. Оказывается, Никита Николаевич сам позвонил в Госплан и попросил не указывать его фамилию в официальной публикации. Он аргументировал свое решение тем, что «в текущей работе нашего коллектива он не участвовал, долго болел и все знали, что он был и еще остается болен, и он не имеет права *приписываться* (это дословно!) к такому серьезному труду». Чиновники посчитали аргументы Н. Н. вполне обоснованными («болезнь есть болезнь», объяснял мне по телефону один из них). Конечно, не в болезни было дело, а в нравственной позиции Моисеева: он никогда не *приписывался*! Мы решили немедленно восстановить справедливость. Наша экспертная оценка Чернобыля получила широкий общественный резонанс, нас просили дать материалы и для толстых журналов, и для газетных публикаций. Я лично бдительно следил, чтобы во всех них имя Никиты Николаевича не пропало. Вот эти публикации, которых читатель не найдет ни в одном из ныне существующих самодеятельных списков научных трудов Моисеева – не найдет к стыду и сожалению перед памятью нашего великого соотечественника:

1. Заключение Экспертной подкомиссии Государственной экспертной комиссии Госплана СССР по Государственным программам РСФСР, Украинской ССР и Белорусской ССР ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС на 1990–1995 годы. Авт. колл. Н. Н. Моисеев, А. Г. Назаров, Е. Б. Бурлакова, П. В. Флоренский, Д. С. Фирсова и др. М.: Госплан СССР, 1991. 52 с. (официальный документ Госэкспертизы с факсимиле подписей всех участников).

2. Чернобыльская катастрофа. Проблемы социально-экологической безопасности. Под общей ред. д. б. н. А. Г. Назарова (колл. авторов: А. Г. Назаров, В. А. Шевченко, П. В. Флоренский и др.) // Информационный бюллетень ВИНТИ АН СССР и ГКНТ СССР. 1990. № 5. 170 с. (по вышеуказанным причинам издание вышло без ссылки на участие Моисеева в авторском коллективе, но с указанием его фамилии как руководителя экспертизы в предисловии).

3. Итоги Государственной экспертизы причин возникновения и последствий Чернобыльской катастрофы (выступление председателя Постоянной экспертной группы ВС СССР д. б. н. А. Г. Назарова на парламентских слушаниях в Верховном Совете СССР 25 апреля 1990 г.) // Материалы заседаний Верховного Совета СССР 1990. Апрель. М.: ВС СССР, 1990. (доклад основан на официальном документе № 1 с указанием фамилии Н. Н. Моисеева как руководителя и автора).

4. *Моисеев Н. Н., Назаров А. Г., Флоренский П. В., Фирсова Д. С. и др.* Заключение Экспертной подкомиссии Государственной экспертной комиссии Госплана СССР по государственным программам РСФСР, УССР, БССР ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС 1990–1995 гг. // Москва. 1990. № 17. С. 141–149.

5. Экспертные оценки программ и решения по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС (Авт. колл.: Н. Н. Моисеев, А. Г. Назаров, Е. Б. Бурлакова, П. В. Флоренский, А. В. Постников, Д. П. Осанов и др.) // Всемирный день окружающей среды. Информационные материалы. 1990. М.: 1991. С. 14–128.

6. Моисеев Н. Н., Назаров А. Г., Бурлакова Е. Б., Флоренский П. В. и др. Экспертная оценка программ по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. М.: Книга, 1991 (на русск. и англ. яз.).

7. Moiseev N. N., Nazarov A. G., Burlakova E. B., Florensky P. V. et al. Expert Assessments of Programmes and the Elimination of the Chernobyl Accident Consequences // World Day of the Environment. Moscow: 1991. 132 p.

«Рерих был замечательным мыслителем...» (о системе «Учитель»)

Отпущенные ему Богом годы с середины 1980-х до начала 1990-х гг. Моисеев посвятил познанию единства человека и биосферы – космического единства. Он перешел в область научно-гуманитарного творчества, в область исканий и «свободных размышлений», как он сам определил созданный для себя (и для других!) жанр изложения своих мыслей и раздумий о судьбах страны, мира, человечества. А этот жанр требовал погружения в философские проблемы, в социологию, экологию, политологию, проблемы образования (создание МНЭПУ), в сферы религиозных исканий.

Работоспособность Моисеева в последнее десятилетие жизни была фантастической. Стоит только посмотреть на список его научных трудов: каждый год книга за книгой, научные статьи и обширная научная публицистика в газетах и журналах, выступления, общественная деятельность. Главный редактор журнала «Экология и жизнь», президент Российского Зеленого Креста, председатель Национального комитета Международной организации по окружающей среде (ЮНЕП), президент Международного независимого эколого-политологического университета... Он хотел быть востребованным в годы развала Советского Союза, хотел предотвратить сползание страны в пропасть.

Среди разнообразия тем, раздумий и устремлений Никиты Николаевича в описываемый период его жизни выделяется одна магистральная тема, к которой он обращался в разные годы – тема Учителя и его роли в образовании и воспитании народа. Ей он посвятил несколько работ, о ней неоднократно говорил в своих публичных выступлениях, затрагивал ее почти при каждой нашей встрече. Моисеев связывал Учителя с развитием цивилизации и биосферы Земли. Когда он с большим воодушевлением говорил об этом, мысли складывались в чеканные лаконичные фразы, звучали как притчи пророка, и в готовом виде, *набело*, ложились на бумагу:

Сегодня от учителя в первую очередь, и я это постараюсь доказать, зависит не только судьба цивилизации, но и сохранение человека на планете.

Когда я произношу слово «УЧИТЕЛЬ», то имею в виду не только педагогов, работающих в средней или высшей школе, а саму систему формирования, сохранения и развития коллективных знаний, нравственности и памяти народа, передачи всего накопленного следующим поколениям. Имею в виду всех тех людей, которые ее создают и которые способны внести в мир элементы душевной тревоги за будущность своего народа, а в нынешних условиях – и будущность планетарной цивилизации.

Последнее означает уже нечто большее: это чувство ответственности за судьбы «людей планеты» – своего биологического вида, которому

предстоит в ближайшие десятилетия преодолеть трудности выживания. Человечество подошло к порогу, за которым нужны и новая нравственность, и новые знания, новый менталитет, новая система ценностей. Кто их будет создавать и пестовать? От того, как следующие поколения смогут усвоить эту тревогу за будущее, понять и реализовать собственную Ответственность, и зависит это будущее.

Вот почему «УЧИТЕЛЬ» – тот, кто передает эстафету знаний, культуры, особенно в «минуты роковые», – превращается в центральную фигуру общества, центральный персонаж разворачивающейся человеческой драмы.

...Многие ли задумывались над тем, – спрашивал Моисеев, – как могло случиться, что за полтора десятилетия после окончания самой страшной войны, которую знало человечество, после трех десятков миллионов жертв и ужасающей разрухи, после репрессий 30-х годов, унесших жизнь и многих представителей русской интеллигенции, Советский Союз сделался второй державой мира? Во всяком случае, в области науки и техники. Как такое могло произойти? Ответ однозначен. Основную причину я вижу в том, что в Советском Союзе была создана лучшая в мире система «УЧИТЕЛЬ». Она охватывала все уровни образования, все слои населения. И, что совсем немаловажно, эта система утверждала престиж образованности! Были созданы условия для передачи эстафеты знаний, эстафеты культуры. А корни этой системы были заложены еще в дореволюционные годы в системе земских школ, гимназий, университетов...¹⁴

Перечитывая эти строки, не могу избавиться от ощущения, что слышал их из уст самого автора совсем недавно: так ярко и живо встает передо мной образ вдохновенного мыслителя, пытавшегося «глаголом жечь сердца людей», достучаться до их душевной сути. И как он страдал, когда достучаться не удавалось, особенно до властей предрежащих!¹⁵ После первого же его выступления на первом заседании Президентского совета (при Ельцине) на второе и последующие академик Моисеев больше не приглашался. Прислушивались к другим голосам, разваливая систему образования, а вместе с ней и веками складывающуюся систему «Учитель».

В общении с Никитой Николаевичем, при обсуждении проблем экологического образования и развиваемой им системы «Учитель» у меня постепенно складывалось смутное ощущение, что понятие «Учитель» для Моисеева имеет отнюдь не абстрактное, а вполне конкретное содержание. Воодушевляясь, он будто обращался к невидимому никому, *своему* Учителю, и этот его

¹⁴ Из брошюры *Моисеева Н. Н.* Экология и образование. М., 1996.

¹⁵ Свое отношение к власти академик Моисеев выражал предельно откровенно: «Чересчур тяжела была судьба моей семьи, да и сам я пережил немало, чтобы не видеть весь ужас окружающей меня русской, советской действительности. Но я старался не связывать его с социализмом и много размышлял о том, как ее можно исправить. Самым страшным мне представлялась беспомощность человека перед лицом власти, ее монополизм, поднимавший вверх людей духовно ущербных, обладавших психологией люмпенов, которые из за своего интеллектуального и духовного убожества отказывают нации в возможности развернуться, раскрыть свои истинные способности, скованные разной сволочью, которая о людях и думать не способна. Но еще страшнее, как я сейчас понимаю, люмпен, одетый в тогу демократа» (см.: *Моисеев.* «Как далеко до завтрашнего дня...»...).

Учитель словно приближается к нему издалека, из глубин его памяти. Может быть, из детства? При удобном случае я прямо спросил его о своей сложившейся фантазии.

– Вы хотите узнать, кого я считаю своим учителем?

– Нет, я не думаю, что у вас был какой-то определенный учитель, кто учит уму-разуму своих преданных учеников. Но кого вы сами относите к тем людям, которых вы могли бы назвать своим Учителем с большой буквы? Кто оказал на вас самое большое влияние?

– Однозначно трудно ответить. Но один ответ, думаю, вы знаете.

– Вернадский?

– Да, Владимир Иванович Вернадский. Его учение о биосфере и ноосфере еще не осознано человечеством. Для меня оно было и остается величайшим достижением научной мысли. Но к его восприятию меня подготовили великие умы – Н. В. Тимофеев-Ресовский, ваш В. А. Ковда. Конечно, и А. Л. Яншин, и Б. С. Соколов, и И. Е. Тамм. Они тоже входят в число моих учителей.

– Но все они были учеными, близкими к вашим профессиональным устремлениям. А из сферы культуры? Кого бы вы выделили, может, из современных?

– Из современных – нет, хотя, конечно, среди них немало талантливых исполнителей. Но я помню, в нашей семье особенно почитали Рериха. Мой отец считал его не только великолепным художником, но выдающимся мыслителем. Недавно мне попались его «Страницы дневника» («Листы дневника». – А. Н.), мысли его поразительны, особенно о роли культуры в духовном сближении и очищении народов. Действительно выдающийся мыслитель, влияние его космического учения будет со временем расти, у него и сегодня много почитателей¹⁶. Вот его я могу отнести к числу Учителей с большой буквы.

Этот разговор у нас состоялся не позже весны 1993 г., биографическая книга Н. Н. еще не вышла. Но недавно в одной из глав ее электронной версии я обнаружил абзац, подтверждающий отношение к Н. К. Рериху в семье Моисеевых до ареста многих из них и физического уничтожения. Описание Никиты Николаевича относится к периоду 1926–1928 гг.:

Когда приходили гости, то меня из столовой не выгоняли, как сейчас принято обращаться с детьми в большинстве семей. Более того, считалось, что я должен присутствовать при разговоре старших. Но и не сажали за общий стол. Рядом ставили маленький столик. И я очень любил слушать то, о чем и как говорили взрослые. А говорили о чем угодно, никак меня не стеснясь. И о политике, в том числе. Но больше об истории, литературе и вообще о самых неожиданных вещах. *Говорилось о заветах Рериха, которого отец считал не только великим художником, но замечательным мыслителем. Спорили о писаниях мадам Блаватской, сочинения которой были позднее конфискованы у нас во время одного из обысков* (выделено мной – А. Н.).

Н. Н. еще несколько раз обращался к личности Николая Рериха. Где-то он узнал или прочел о «Гималайской» (Центрально-Азиатской) экспедиции Рериха и при очередном свидании встретил меня, прищурился с хитринкой гла-

¹⁶ По-видимому, Моисеев говорил об учении Живой Этики.

за, вопросом, знаю ли я что-нибудь о Гималайской экспедиции. Я называл знакомые мне имена Пржевальского, Козлова, Свена Гедина и кого-то еще; Моисеев удовлетворенно покачивал головой, показывая, что все мимо, потом торжествующе произнес:

– Рерих! Да, да, не удивляйтесь именно Рерих. Все его знают как художника, а он ведь был великим путешественником, первооткрывателем. Вот видите, в какой стране мы живем: прошлое России так же непредсказуемо, как и ее будущее!

На этой оптимистичной ноте мы прервались на чай с пирожками Антонины Васильевны, но Рерих-путешественник прочно отложился в памяти. Я решил хорошо подготовиться и также поразить Никиту Николаевича неожиданными познаниями в рериховедении. Но – не успел.

«По существу я был очень одинок...»

С начала и особенно со середины 1990-х гг. мы встречались реже. Никита Николаевич тяжело пережил потерю своих учеников (погиб или бесследно пропал в Испании В. В. Александров, уехал в Вену Ю. М. Свирижев, оставили ВЦ некоторые другие его ученики), а также свой почти вынужденный уход из Вычислительного центра.

Где-то в конце 1994 или ранней весной 1995 г. я позвонил Моисееву на квартиру, чтобы узнать, дома ли он. Антонина Васильевна сказала, что еще нет, но скоро будет и радушно зазвала меня на пирожки, которые «уже у нее подходят». Приехав и не застав Никиту Николаевича, я хотел было уйти, но хозяйка не выпустила, попеняв мне за то, что я долго, несколько месяцев, не приходил («что же вы Танечку свою не захватили?»). Я спросил про здоровье Н. Н. («неважное, как только он держится, не знаю»). Рассказала, что режим дня Никиты Николаевича «очень жесткий, встает рано, и все пишет, пишет». Мы еще поговорили о семейных проблемах, и вскоре подошел Н. Н. Торжествующая Антонина Васильевна вывела меня из кухни на свет божий к Никите Николаевичу. Он обрадовался, как и я, нашей встрече, мы обнялись, Моисеев что-то пробурчал, что мол, он и не гадал, что мы свидимся, и что он все не мог понять, за что я на него «дуюсь». Мы устроились, как и раньше, в его кабинете.

Поговорили о недавней кончине Ковды. Моисеев грустно заметил, что скоро и ему «пора собираться в путь. Но сколько еще надо сделать! А ведь уже 78. Но голова пока работает, хотя силы уже не те». Я сообщил ему еще об одном печальном известии: о смерти водителя Николая, с которым мы ездили по Колымскому тракту. Никита Николаевич даже изменился в лице: он хорошо помнил Колю и с уважением к нему относился. Говорил, что судьба этого колымского парня в чем-то перекликалась с его судьбой. А сейчас, когда ему еще жить и жить, Колыма забрала его безжалостно и жестоко: скоротечный рак желудка, операция не спасла.

Я спросил Н. Н., почему он в автобиографической книжке не отразил свои колымские впечатления. Он ответил, что несколько раз порывался это сделать, но потом понял, что одному ему не потянуть. Он хотел сделать свою книгу

документальным источником, *свидетельством прожитой им самим жизни*. А Колыма сама такая глыба, столько людских страданий в себя впитала, и столько еще документов закрыто, что ему братья за нее нет никакой возможности. Он говорил, что мне надо самому разрабатывать такие темы, пока есть силы и здоровье, и лучше всего начать с собственных воспоминаний.

– Обещайте, что напишите хотя бы небольшую книжечку, а я с удовольствием напишу предисловие, на большее меня не хватит.

Обещал, но выполнить слово не смог; в водовороте непростой для всех жизни середины 1990-х гг. все откладывал на потом. Может быть, колымский раздел воспоминаний о Никите Николаевиче хотя бы отчасти восполнит данное когда-то обещание.

Н. Н. спросил, видел ли я его новые книжки. Я хорошо отозвался о его автобиографических «Свободных размышлениях», которые недавно вышли. Он заметно посветлел лицом, но ответил, что многие из его старых коллег не понимают, а потому и не принимают его «книжную продукцию». Но он пишет и будет писать только то, что хочет. Посоветовал и мне делать то же самое. Время уходит, нельзя больше откладывать «на потом». Так, неспешно, мы говорили о политике, о науке, которая «лежит на боку». И снова Никита Николаевич несколько раз вскользь сетовал, что «серьезные ученые уже уходят, а мне не с кем и поговорить о поднимаемых в моих работах проблемах образования, а это сейчас для нас самое главное!» Спросил меня, поймут ли его молодые поколения, молодежь, или им нужны только деньги. Я пытался его подбодрить и успокоить, но уверенности у меня самого не было, и Моисеев это сразу почувствовал. Сошлись на том, что все равно надо работать.

Это была моя предпоследняя большая беседа с Н. Н. После нее я как-то сразу понял, почувствовал, как он действительно одинок. Ценой огромного трудолюбия, таланта и преодоления жизненных лишений он достиг вершины. Но на ней стоит один. Одиночество испытывают многие крупные творческие личности. И только совсем недавно, перечитывая его книгу автобиографических воспоминаний «Как далеко до завтрашнего дня...», я натолкнулся на то место, где ученый сам говорит о своем одиночестве:

По существу я был очень одинок и все свои работы, за очень малым исключением, писал один и был их единственным автором. У меня много учеников – и кандидатов и докторов наук, есть среди них и академики. Но ни с одним из них, несмотря на добрые человеческие отношения, я не был близок как «искатель». Я видел этот дефект собственной психической конституции, но поделаться с ним ничего не мог...

«По существу я был очень одинок...», – в этой короткой фразе заключен глубочайший трагический смысл творческой человеческой личности. Достигая высот внешнего благополучия и ставя перед собой новые нерешенные задачи, человек-творец все более становится одиноким. Находясь в непрерывном поиске, самоуглублении, он все более отдаляется от своих коллег и учеников, которые начинают все меньше его понимать, от семейных и будничных «радостей жизни». Научное творчество – глубоко личностный, интимный процесс, и с радостью открытия творящей личности, увы, соседствует

пропасть духовного одиночества. Можно возражать, что это не так, приводить массу убедительных доводов в пользу противоположной точки зрения. Но я убежден, что это так. Именно таким, мужественным и одиноким, мне видится сегодня светлый образ Никиты Николаевича Моисеева – человека-творца, дерзновенно пытавшегося понять наше настоящее, душой и мыслью проникнуть в будущее.

«Царство моих идей впереди», – предвидел Вернадский, и то же хотелось бы сказать о научном творчестве Моисеева. Может быть, новые поколения прикоснутся к живительным идеям, предостережениям и заветам Н. Н., постепенно сужая пространство переданного нам его одиночества.

Из плеяды русских космистов

Есть одна существенная черта личности Моисеева, которая выделяла, как мне кажется, его из среды других крупных ученых. Ее можно назвать осознанной неразрывной связью человека с Космосом, через земную биосферу и ее космическое окружение. Еще в ранних работах Моисеева 1970-х – 1980-х гг., которые многие, включая и меня самого, критиковали за разные биологические некорректности, нельзя было не заметить этой четкой позиции космизма, унаследованной им от Вернадского, Соловьева, Федорова, Бердяева и других ученых, образующих линию «русского космизма». В последних своих книгах Моисеев существенно углубляет космическую парадигму человеческого бытия. Может быть, среди философов и физиков или биологов и экологов, социологов и политологов найдутся исследователи творчества Никиты Николаевича Моисеева, которые высветят глубокое понимание ученым *космической сущности жизни и космическое предопределение человеческого разума*, развитое в работах Моисеева.

Мужественным и целеустремленным, добрым и отзывчивым, способным вбирать в себя вселенские страдания и боль своего народа и пропустить их через свое сердце (помните, уже упоминалась одна из последних его работ, его завещание: «Низко кланяюсь долготерпению народа, к которому принадлежу?»), – таким запомнился мне Никита Николаевич Моисеев. Один из последних русских космистов, ученый богатого творческого дарования, широко мыслящий, он заглянул в такие глубины нашего бытия, в перспективы будущего развития человечества, что пророческие прозрения академика Моисеева, обращенные к Вечности, останутся предостережением всем нам сегодняшним и тем, кто придет за нами и на смену нам: люди, не оступитесь. Мы идем с вами по краю бездны: только наш Разум, Воля и Любовь спасут нас от гибели в земной юдоли. Сохранят наш род людской в космических просторах Беспредельности.

Последняя встреча

В нашу последнюю встречу осенью 1999 г., незадолго до кончины Никиты Николаевича, я зашел к нему, чтобы посоветоваться о сущности радиационных катастроф как качественно необратимого процесса, принципиально отличного от аварии. Над этой проблемой я работал 10 лет, продолжаю работать

и теперь. Моисеев поддержал идею необратимости, благословил на дальнейшие изыскания, дал ряд дельных советов из своего ракетного прошлого. Но когда я уже собирался уходить, чтобы не утомлять неважно чувствовавшего Никиту Николаевича, он, бегло просматривая мои листы, вдруг воскликнул:

– А это у вас что?

Пересел с кресла за свой стол, включил настольную лампу и стал читать вслух: «Когда состав на скользком склоне / Вдруг изогнулся страшным креном, / Когда состав на скользком склоне / От рельс колеса оторвал. / Нечеловеческая сила / В одной давилне всех калеча, / Нечеловеческая сила / Земное сбросила с земли. / И никого не защитила / Вдали обещанная встреча, / И никого не защитила / Рука, зовущая вдали. / С любимыми не расставайтесь...»

Я сначала от неожиданности немного растерялся, но потом пояснил, что это строчки из известной «Баллады о прокурённом вагоне» Александра Кочеткова, второе ее название «С любимыми не расставайтесь», ее обычно поют, но я привожу ее как яркую метафору катастрофы. Здесь в предельно сжатой форме заключены все основные «научные атрибуты» катастрофы: ее внезапность, разрушительная мощь, неотвратимость и – главное! – у катастрофы нет будущего! Лишь настоящее и прошлое («...никого не защитила / Вдали обещанная встреча, / ... никого не защитила / Рука, зовущая вдали»). Но я могу это убрать, если не вписывается.

Не успел я договорить, как Н. Н. встал из-за стола с листком в руках, и снова прочел:

– «Нечеловеческая сила / Земное сбросила с Земли». Какой удивительно точный образ! Вот так и наша нечеловеческая цивилизация может сбросить живое с Земли, сбросить биосферу, пусть и не всю, водоросли и простейшие организмы останутся, но человека уж точно не будет. Вы помните, мы это показали в сценарии «ядерной зимы». А вот еще чудные строки – и он снова прочел вслух: «Но если я безвестно кану, / Короткий свет луча дневного, / Но если я безвестно кану / За звездный пояс, в Млечный дым? / Я за тебя молиться стану, / Чтоб не забыл пути земного, / Я за тебя молиться стану, / Что б ты вернулся невредим».

Потом, задумавшись, продолжил:

– Безвестно кануть «...За звездный пояс, в Млечный дым...». Какие прекрасные космические образы! А вы собираетесь их выбрасывать!

Воодушевленный неожиданной поддержкой, я сказал Никите Николаевичу, что как раз я не хочу, но у меня всю эту «лирику», как выразилась дама-редактор, хотели безоговорочно выбросить в журнальной публикации. Я отказался и снял публикацию, пусть полежит до лучших времен. Потом мы стали вспоминать другие примеры художественного воплощения катастроф: «Божественная комедия» Данте, сонеты и драмы Шекспира (знаменитая буря в «Короле Лире»), «Каин» Байрона, «Последняя смерть» Боратынского, «Последний катаклизм» Тютчева... Никита Николаевич оживился, глаза разгорелись, он словно помолодел, а ведь ему уже было за 82. Но память, быстрота схватывания нового, эрудиция! Это дается свыше только незаурядным личностям.

Провожая, Никита Николаевич Моисеев, как и при встрече, слегка обнял меня за плечи, потом немного отстранился и посмотрел с улыбкой мне в лицо – добрыми, лучистыми глазами. Таким навсегда я его и запомнил.

Это была наша последняя встреча.

Я благодарен судьбе за то, что мне выпало счастье более полутора десятилетий знать, работать и, несмотря на разницу лет, дружески общаться с Никитой Николаевичем, настоящим русским интеллигентом, мужественным несгибаемым человеком, оставившим нам, его современникам и потомкам, богатейшее научное наследие. Хотелось бы надеяться, что эти беглые заметки, фрагменты воспоминаний, посвященные светлой памяти крупнейшего русского мыслителя, ученого-космиста и просто моего старшего коллеги по науке академика Моисеева, написанные мной вначале просто для себя, может быть, привлекут к изучению наследия Н. Н. пытливых искателей из студенческого сообщества в первую очередь того высшего учебного заведения, которое он основал и вложил в него душу и сердце – его Международного независимого эколого-политологического университета (МНЭПУ), а также МФТИ, где он преподавал и работал деканом. Это будет лучшая дань благодарности учеников необыкновенной личности своего УЧИТЕЛЯ.

Сентябрь 2006 – май 2010 г.